

18+

Эль Анисимова

Роман

ШЕРЕГЕШ

Эль Анисимова

Шереш

«Издательские решения»

Анисимова Э.

Шерегеш / Э. Анисимова — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Краснодарский миллиардер Константин Казаринов, на горнолыжном курорте в Сибири встречает странную пару — волейболистку креольского происхождения и ее подругу из Москвы. Казаринов, филантроп и меценат, сторонник традиционных ценностей, сторонится общения, но, не имея возможности уехать из поселка, неожиданно попадает под обаяние подруг. Вместе им предстоит пережить немало приключений, обкатать красивейшие склоны одного из самых суровых регионов России, измениться внутренне и снова полюбить.

© Анисимова Э.

© Издательские решения

Содержание

ШЕРЕГЕШ	6
День первый. Слоны летят на север	7
День второй. Суббота всегда ставит на «белое»	13
День третий. Попробуй разгадать меня, если осмелишься	21
День четвертый. Этот понедельник мы проведем с тобой только вдвоем	33
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Шереш

Эль Анисимова

© Эль Анисимова, 2026

ISBN 978-5-0071-1724-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ШЕРЕГЕШ

Посвящается всем моим любимым людям, пришедшим в одно время со мной на эту чудесную планету, и моим самым любимым местам силы на ней — величественным, гордым, неприступным и безупречно прекрасным горам.

Все персонажи данной истории вымышлены, и любые совпадения с реальными людьми случайны.

Аннотация

Краснодарский миллиардер Константин Казаринов, после трагической гибели жены, и сам находящийся в ремиссии после борьбы с тяжелым заболеванием, на горнолыжном курорте в центральной Сибири встречает необычную пару — девушку-волейболистку креольского происхождения и ее подругу, редактора из Москвы.

Казаринов, предприниматель до мозга костей, филантроп и меценат, сторонник традиционных ценностей, вначале недоумевает и сторонится общения, но, оказавшись заложником снежных заносов, ветра и холода, и не имея возможности уехать из заснеженного поселка, вдруг неожиданно для себя проникается новыми знакомыми и попадает под обаяние подруг, видя в них себя и отражение своих чувств.

Вместе им предстоит пережить немало приключений, обкатать красивейшие склоны одного из самых суровых регионов России, одолеть и победить несчастье, измениться внутренне и снова полюбить.

День первый. Слоны летят на север

И зачем только он послушал Юру, поехал с ним в этот поселок, в эту глушь? Он все равно сейчас не может полноценно кататься целыми днями, как раньше, силы еще не полностью восстановились после операции и тяжелого протокола химиотерапии два года назад, которую он выдержал довольно-таки стойко, но которая очень сильно подорвала его физическую форму, разве что просто воздухом подышать?

Но для этого совсем необязательно было лететь за несколько тысяч километров в эту деревню — при таком большом желании покататься можно было в Розу Хутор или на Красную Поляну стогнать, которые ближе к их родному городу на порядок.

А теперь еще, оказывается, и в жуткую заснеженную глушь, когда даже из поселка выехать было невозможно! Их замело по пояс в этом практически не заметном на карте, утопающем в сугробах местечке, на этом пятачке с тремя горными вершинами — просто ужасно.

Константин, который чуть больше года назад, наконец-то завершил тяжелое лечение, — его МРТ и анализы показывали, что он полностью здоров, он соблюдал все предписанные доктором рекомендации и горстями пил таблетки, — и Юра, который всячески его поддерживал и помогал в восстановлении и который почему-то всегда лучше всех все в этой жизни знал, в том числе и то, что для Константина важнее и нужнее всего, вдруг неожиданно решил, что их спонтанная поездка в горы будет прекрасным завершением этого очень затянувшегося оздоровительного периода в его жизни.

— Почему не море? Там тепло, солнце, пляжи, можно лежать целый день пластом и не шевелиться. Зачем лететь в холод? — задавался вопросами искренне непонимающий Константин.

— Затем, что это горы! И лучше них целителя нет. А пляжное солнце тебе вообще-то противопоказано, ты же помнишь, что тебе ворчал этот занудный докторишка в больнице? Но так-то он был прав, — назидательно, как маленькому, грозил ему пальцем Юра и, шурясь, тянул ухмылку до ушей.

— Ты же был в горах не один раз и прекрасно помнишь, как это здорово. Чем ты сейчас-то недоволен?

И добавил:

— Я тебя еще больше удивлю, когда ты узнаешь, куда мы в этот раз отправимся в путешествие.

Юра выждал театральную паузу, и его голубые, смешливые глаза в ласковых сеточках мимических морщинок вокруг, потому что он никогда не унывал и улыбался каждый день по пятьсот раз, и никакой, даже самый дорогуший крем эти морщинки не разглаживал, потому что просто не успевал на них воздействовать, совсем превратились в щелочки и почти исчезли на его лице.

— Ну? — Константин вздохнул.

— Мы полетим в Сибирь, в регион под названием Горная Шория. Покатаемся в горах под маленьким кузбасским поселком. Мы там еще ни разу не были, а я почитал, что там просто мекка настоящего фрирайда. Надоели все эти гламурные богемные иностранные курорты со скоростными вельветовыми трассами, безумными ценами и пластилиновыми красотками с аперолями. Не хочу! Да и ты, я знаю, тоже не хочешь. Останемся у нас в стране, будем вязнуть в снегу в елках, покатаемся на снегоходах, попробуем местные настойки, сходим в настоящую русскую баню с парилкой в конце концов. Вместо любви, которая нам пока что-то не очень-то светит, займемся чисто мужскими делами. Отказы не принимаются, я уже все разузнал. Ага? — и, несмотря на вопрос, Юра смотрел скорее не вопросительно, а утвердительно.

— Ну ты что, серьезно? — Константин, оторвавшись от монитора, вопросительно поднял уставшие, покрасневшие глаза на друга и снова вздохнул.

Понеслась. Он никак не мог на подходящих для них условиях решить вопрос с подрядчиком по строительству базы для клуба, а тут такое. Юра запрыгнул в свои сани генерации безумных идей совершенно некстати, но его никак было не остановить: он уже уверенно мчал своей суперскоростной слалом с горы. Неужели Константин на это согласится?

— Слушай, от тебя совсем ничего не требуется, только твой самолет туда и обратно, — и Юра засмеялся.

— Собери борд и горнолыжное барахло, мы вылетаем в пятницу днем на неделю. Ничего тут без нас не случится за пять-шесть рабочих дней. К тому же мы всегда будем на связи. Я возьму свой рабочий ноутбук со всей информацией по текущим вопросам.

Он, как всегда, был практичен, краток и полон энтузиазма. И возражать ему было практически бесполезно. Иногда, впрочем, Константину это удавалось, но только не сегодня. Сегодня Юра был в ударе.

И даже если Константин будет сначала кататься понемногу, то он там, в горах, точно окончательно окрепнет, и к концу отдыха они уже будут гонять вместе по пухляку часами, — продолжал разглагольствовать Юра.

Что ж, спорить этот самый Константин не стал, да и расстраивать Юру отказом ему совсем не хотелось. Он вдруг, послушав Юрины размышления, почему-то тоже загорелся этой безумной идеей, ему и самому стало уже интересно, как это все может получиться у них в этот раз: вдруг и правда он там окончательно поправится и придет в себя? К тому же, он не был в нормальном, полноценном отпуске с выключенным хотя бы на пару часов телефоном уже несколько лет. Можно рискнуть, в общем.

Таким образом, решение об отдыхе в горах было принято и уложено в его голове на отдельную полку. Сибирь так Сибирь: он там был всего один раз в жизни по рабочим делам очень давно. Поэтому придется довериться во всем Юре.

Свой неизменный эскорт, личного водителя и охранника, которых Константин, в родном городе и даже в столице, куда изредка прилетал по делам, никогда не отпускал и которыми никогда не пренебрегал, он по совету Юры, решил с собой в горы не брать. Во-первых, он фактически, всегда будет там не один, а с Юрой и еще двумя согласившимися на это авантюрное приключение, приятелями, а во-вторых, все-таки там, в маленьком поселке в Кемеровской области, практически не различимом на карте и никаким образом с ним не связанном, его никто не знает, а в горнолыжных латах и доспехах его тем более будет сложно узнать, да не просто сложно, а практически невозможно. Полетят, так сказать, налегке, без сопровождения, как обычные, свободные мужики.

Плюсом они договорились и сразу решили нигде и никому не афишировать, куда улетают на неделю. Уезжают по важным делам, и точка. Юра спокойно смог все организовать сам, без помощи помощников — в этом ему никогда не было равных.

И тем не менее, несмотря на все Юрины организаторские способности и старания, все у них с самого начала шло не так (пренеприятнейший знак). И уже сейчас, когда их отдых еще даже толком не начался, Константин уже начинал обо всем этом жалеть.

Они прилетели вчетвером в пятницу после обеда, но его личный джет из-за снега и жуткого ветра, почти коснувшись посадочной полосы, тут же задрал нос и ушел на второй круг, и кое-как смог приземлиться на взлетно-посадочную полосу в аэропорту Новокузнецка только со второй попытки.

Константин такое не любил, сделал козлиное лицо, и даже зачем-то принялся уточнять у Юры про часы налетов и оклады пилотов. Но тот неожиданно достаточно твердо сказал — как отрезал:

— Навыки пилотов ни при чем, погода — дрянь. Хорошо, что вообще аэропорт открыт, мы приземлились и сели здесь, и нас не развернули на соседний аэродром, например, в Новосибирске, из которого добираться по трассе до нашего отеля было бы раза в три дольше, потому что даже вертолеты в такую погоду — не вариант. Так что прекрати задавать дурацкие вопросы.

Константин Юре доверял, смотрел, прикрыв глаза, с неприязнью на жуткий ветер и поэмку снега вокруг них и понимал, что тот прав. Он поджал губы и препираться не стал. Но чувство нарастающего раздражения никуда не исчезло, снег и холод, пробирающий до костей, не предвещали ничего хорошего, почему бы им просто не развернуться и не улететь обратно домой? Поездка еще толком не началась, а его уже все раздражало и бесило, надо попробовать на что-то переключиться и успокоиться, но в голову ему пока что ничего хорошего не приходило.

Один плюс хотя бы был в том, что в аэропорту их уже ждали два арендованных блестящих гиганта — внедорожники Lixiang L9. Юра, а это именно он позаботился об этом заранее, тем не менее искренне считал, что это непрактично и расточительно — арендовать две дорогие машины, на которых в принципе неделю им особо не нужно будет никуда ездить. Они жили в шаговой доступности от подъемников, и могли в случае чего добраться куда надо на такси.

Но тут уже Константин был непреклонен: машина всегда должна быть под рукой, мало ли что, а арендная плата для него была просто смешной.

— Так что давай не будем мелочиться, — сказал он Юре, — мы же в отпуске как никак, вдруг захотим куда-нибудь съездить?

А по длинной дороге от аэропорта к отелю он собирался обсудить с ним с глазу на глаз несколько рабочих вопросов и сделать пару звонков, не для посторонних ушей, так сказать, так что один большой минивэн на всю компанию с друзьями им точно не подходил.

Да и вообще, две машины — это определенная свобода для четверых взрослых мужчин. Вдруг они захотят разделиться, вдруг они захотят прокатиться с кем-нибудь куда-нибудь? В общем, тут уже Юра особо спорить не стал: две, так две. Фиг с ними.

Константин всю жизнь предпочитал «немцев», на худой конец — «японцев», но здесь, в Сибири, в пункте проката авто в аэропорту ни тех, ни других, подходящих им по размеру и конфигурации, не оказалось. А Юра, наоборот, очень обрадовался, он давно хотел обкатать этого роскошного китайца на трассе, посмотреть, каков тот в деле. Он подумывал о личной покупке. Ладно, в целом, тут Константин и сам не особо расстроился: Li так Li, вполне подойдут.

Благодаря предприимчивому Юре, так сказать, супер организатору всея Руси, они самостоятельно, быстро и ловко перегрузили из самолета свой многочисленный багаж: четыре чемодана с одеждой, кофры с горнолыжным оборудованием, ботинки и шлемы, и даже захваченный с собой из Краснодара алкоголь — шесть бутылок Jagermeister (на каждый день катания), напитка настоящих райдеров, две коробки игристого Grand Jete из винодельни Галицкий и Галицкий и упаковку из шести бутылок Legendario elixir de Cuba для парней, которые, не сговариваясь, почему-то из всех напитков предпочитали коктейль куба-либре. И Артем, Юрин университетский дружан, где-то раздобыл этот тягучий, чуть сладковатый ром, и вот уж точно было безумно расточительно смешивать колу с этим самым по себе самодостаточным алкоголем, в две машины, и резво стартанули по навигатору в сторону поселка, где у них был забронирован роскошный по местным меркам отель.

Константин решил не выпендриваться, помогал во всем этом перетаскивании, не сачковал, но, так как после лечения тяжелый алкоголь почти не употреблял, то с удивлением смотрел на бесконечные бутылки в коробках. Загрузка всего этого добра в самолет при вылете из аэропорта родного города прошла почему-то мимо него. Что ж, путешествие обещает быть безрассудным и рискованным, впрочем, как обычно и бывает с этими товарищами.

Собранный и ловкий, как всегда, Юра уверенно и быстро вел первый автомобиль. Он был отличный водитель и прекрасно ориентировался всегда и везде. Константин сидел рядом, пообщался пару раз по телефону, потом с Юрой они в очередной раз обсудили и набросали алгоритм работы с неприятным поставщиком. В недавно построенном ими невероятном городском парке они хотели сдать в аренду под кафе и рестораны несколько оставшихся свободных площадей. На это им нужно было получить несколько дополнительных согласований, но это они уже будут решать после возвращения, и Константин вбил все это в их онлайн-ежедневник с общим доступом.

В рабочих вопросах он всегда концентрировался, даже немного веселел: в него как будто бы вселялся бес, и он до сих пор не растерял этот юношеский задор, как и на заре своей карьеры, почти двадцать пять лет назад. Он даже внешне взбодрился и как будто бы помолодел, но как только все моменты по бизнесу были обговорены и на сегодня улажены, к нему тут же вернулись хандра и общая усталость, его бессменные спутники последнее время. Он замолчал, отвернулся от Юры и стал хмуро смотреть в окно, снова чувствуя себя каким-то дряхлым, ворчливым стариком.

Он и сам себе был уже почти противен, и надо было все-таки найти какое-то решение, как-то внутренне обмануть себя, чтобы не портить себе и остальным поездку. Но сейчас он совсем не рад был обманываться, никаких хороших мыслей в голову не приходило, и он, как ни старался, никак не мог вспомнить ничего из того, чтобы хоть что-то его порадовало.

Они проехали Рябиновку. Холмистая белоснежная дорога ровной стрелой, уходящей вдаль, разрешила заснеженную березовую рощу напополам с ельником. И если бы не березы, то Константин подумал бы, что они едут где-то в пригороде французского Гренобля, по дороге к заснеженным Альпам. Березы в его понимании почему-то нарушали таежную гармонию заснеженного елового бора, и, что уж тут говорить, русские березы и горнолыжные склоны абсолютно никак не монтировались в его голове и тем самым совершенно, катастрофически не прибавляли ему настроения. Вот так вот.

Через несколько минут их внедорожники въехали в Таштагольский округ и сразу же вынуждены были остановиться на переезде. Дорогу им преградил красный флажок станционного смотрителя. Никаких дополнительных ограничений, никаких шлагбаумов — только человечек в темноте с маленькой красной тряпочкой в руках. Это что за ерунда такая? А как же безопасность?

По однопутной железной дороге, которая перерезала им путь, странно медленно тянулся смешной, даже как будто бы немножко игрушечный, лимонно-желтый локомотивчик с четырьмя вагончиками.

Константин все смотрел и смотрел на него, а желтопузый локомотив все полз и полз и никак не хотел со всеми своими вагонами уползать и освобождать переезд. Да он издевается, что ли, этот черепах? Может ему нужна помощь? Подпихнуть его под зад? Прошла целая вечность, когда колеса последнего вагончика уползли в темноту, и смотритель, почему-то с неприятным взглянув на них (или ему это показалось), наконец махнул перед ними обглоданным флажком, освобождая проезд.

Юра зачем-то показал вслед уходящему вдаль локомотивчику средний палец, и от нетерпения, со зверским рычанием, резко выжал газ. Константин хмыкнул и покачал головой.

Еще через какое-то время показался поворот на Темиртау. Оставалось совсем чуть-чуть.

— Слишком много снега вокруг. Просто все в этом ужасном снегу. Какой-то кошмар! — сказал Константин вслух, продолжая хмуриться в окно.

— Дружэ, ну ты чего, это же Кузбасс, тут же самый настоящий сибирский вайб, самое сердце. И ты должен его впитать в себя, проникнуться и прочувствовать его, давай уже начинай. И прекрати уже делать такое дефолтное лицо, расчехляйся, хватит тварить! — тут он скаламбурил со словом «тварь» и сразу же хохотнул от своей шутки.

Юра был тот еще оптимист.

А как тут можно проникнуться, если даже дворники Lixiang уже почти не справлялись с этим месивом из грязно-белого снего-льда на лобовом стекле? Константин головой понимал, что горнолыжных курортов не бывает без снежных сугробов и даже, в принципе, если бы снега не было, то, наверное, было бы еще хуже в разы, он так тоже когда-то попадал на малоснежные склоны с прогалинами, где даже снежные пушки не спасали ситуацию. Но как истинному уроженцу Кубани, сердцем, ему было очень сложно принять такой снегопад и сугробы везде, куда ни глянь. Он просто физически отказывался это делать.

Даня, второй Юрин университетский приятель, ну и по совместительству приятель Константина, во втором авто на трассе не отставал и плотно висел у них на хвосте — он тоже был профи.

Юра, компанейский, добродушный, отходчивый и в тоже время очень умный и проницательный, имел огромное количество друзей, и прекрасно умел среди них выбирать напарников для разного вида времяпрепровождений, в том числе и катания в горах. И здесь он был очень избирателен: в горы брал только лучших. Правда Константин под эту избирательность не попадал, стоял особняком, они с Юрой уже давно были друг другу больше, чем команда — босс и его заместитель, и даже больше, чем просто лучшие друзья. Да что тут говорить, Константин для него был просто настоящий супермен.

После Темиртау они уже доехали до горнолыжного поселка совсем быстро.

У отеля, самого дорогого и звездного в этом захудалом, по меркам скептически настроенного Константина, местечке (но это было, конечно же, совсем не так, и местечко было вовсе не захудалым), который смог найти Юра, даже оказался огромный крытый навес над расчищенной парковкой для гостей. Хоть какой-то плюс: не придется при необходимости куда-то съездить и уж точно в день отъезда самим откапывать машины.

Они заселились в два огромных пентхауса на последнем этаже с панорамным видом: Константин — в одном, Юра (который не любил жить один) с двумя друзьями — в соседнем, семейном. Номера оказались неприлично большими даже для них: у парней — аж с тремя спальнями, гостиной и гардеробной, а у Константина — с одной спальней, но зато какой! Кровать в ней была даже больше по размеру, чем в его собственном доме, и к этой спальне прилагалась почти пятидесятиметровая гостиная с огромным диваном и камином, и, наверное, семиметровая ванная комната с джакузи.

Цена его не особо волновала, Константин предпочитал тишину и жить один, но даже он немного обалдел от размера кровати и ванной комнаты. Ничего себе хоромы в этих сибирских чертогах!

— Вот это лоооооже. Тебе тут определенно не следует ночевать одному, — похлопал его по плечу, смеясь, Юра, совершенно не теряясь под его скептическим взглядом.

Юра его слишком давно и хорошо знал и знал, что здоровый скепсис Константина часто служил ему добрую службу. Но и Юра не тушевался, он уже давно не обращал на вечно хмурый настрой своего друга внимания. Сейчас ему хотелось его поддеть: Константин уже так надоел ему за всю дорогу своей кривой рожей, вот прям от самого дома, как только он загрузился в самолет, как будто у того был какой-то кризис трехлеточки, ей-богу.

Парней их жилье тоже вполне себе устраивало. Константин, Юрин лучший друг, был на несколько лет их старше, был баснословно богат, предоставил свой самолет, трансфер и даже полностью оплатил их проживание. Он мог диктовать любые условия, хотя никогда этого не делал, потому что в быту был достаточно скромен и неприхотлив, — поэтому они планировали его особо не беспокоить без повода и, если у него не будет желания, тусоваться здесь самостоятельно ночами напролет. Захочет присоединиться, или, напротив, придумать что-то общее для всех — они будут только рады, а нет, ну значит нет, пусть отдыхает, они все знали его историю.

Юра порывался было приложить свою карточку для оплаты отеля, хотя бы за их с парнями номер, но Константин убрал его руку от терминала.

— Прекрати, ты и так все организовал и забронировал, не размахивайся, еще успеешь.

И добавил немного злорадно, в отместку за Юрины шуточки про его спальню:

— Девочек может каких найдете себе, расходы возрастут. Ага?

Он вспомнил, как они несколько лет назад катали в австрийском Майрхофене, и Юра тогда тоже был организатором, это было в его прошлой, какой-то совершенно другой жизни, когда Константин еще был женат и здоров, когда ничего еще в жизни не терял, и это было так круто, что он потом еще пару лет вспоминал это их совместное путешествие. Может, и сейчас что-то подобное повторится, чем черт не шутит? Ах, если бы он только знал.

— Знаешь, дружище, мы, конечно, сюда не совсем за этим приехали, но все-таки можно же и совместить приятное с еще более приятным? Но вот если ты будешь продолжать строить такое недовольное и мерзкое лицо, то шансы найти симпатичный девоч у нас равны приблизительно нулю, ну или нам придется просто тебя изолировать. Отсадим тебя за отдельный стол, имей в виду, — беззлобно фыркнул Юра, он единственный из всех всегда мог позволить себе сказать вслух все то, что было в его голове.

— Мне кажется, это место абсолютно, просто катастрофически не располагает к знакомствам, разве нет? Оглянись вокруг, мы же находимся в каком-то ледяном, заснеженном котле. Причем на самом его дне.

И Константин даже поежился, хотя в комнате было жарко. Несмотря на снежный и ледяной ад за окном, батареи топили, как надо.

Артем вежливо заулыбался, он знал Константина давно, очень его уважал, но по-своему все-таки немного стеснялся. Он знал его жесткий, неуступчивый и временами тяжелый характер не понаслышке. А Даня похлопал того по плечу и, кивая, скривил гримасу. В этих его словах была определенная доля правды.

Юра, тем не менее, пропустил этот комментарий мимо ушей, он уже кружил коршуном по номеру и разливал игристое по бокалам за приезд.

— Ну, за начало! Я, несмотря ни на что, всегда надеюсь на лучшее, будем считать, что мы в гостях у снежной королевы, и скоро настанет черед с ней познакомиться. Пусть все будет!

И тут же опрокинул в себя стакан одним глотком.

Эх, Юра, Юра. А еще говорят, что никто не знает, что случится с ним завтра...

— Ладно, если вдруг что-то симпатичное замаячит на горизонте, я постараюсь никого не отпугивать ради вас, буду старательно изображать купидона, — Константин смягчился, вздохнул с нескрываемой издевкой и заржал.

У него действительно был очень непростой, но отходчивый характер, и, справедливости ради, он уже понимал, что вообще не прав. Юра был совершенно не виноват в непогоде, и ему сейчас уже совсем не хотелось никому портить настроение и начало отдыха. Придется ему уж как-нибудь перекантоваться здесь недельку без кислых щей.

И, чокаясь своими стаканами, все сразу же весело засмеялись от его слов, потому что ситуация, несмотря ни на что, приобретала забавный оттенок. Уж на кого-кого, а на пухленького, упитанно-толстощекого и голопопного мальчугана с крылышками и стрелами в колчане Константин, даже с большущей натяжкой, был ну совершенно не похож.

День второй. Суббота всегда ставит на «белое»

Следующим утром, очень рано, кое-как продрав глаза и еще толком не преодолев неприятный джетлаг, они вчетвером быстро позавтракали (им не терпелось уже хоть как-нибудь скатиться с горы), но, выйдя из отеля и посмотрев вокруг, исключительно на одном своем энтузиазме протоптали тропку к подъемнику. Холмистые улицы поселка не были расчищены от слова совсем. А под нерасчищенным снегом, как будто бы мягким сорбетом покрывающим проселочную дорогу, конечно же, был лед. Константин, не ожидавший этого, в своих сноубордических ботинках навернулся два раза. Юра с небольшого похмелья — три.

Сказать, что они знатно охренели, — это на самом деле просто промолчать. Константин был в шоке. Он никак не мог поверить, что он, один из богатейших людей, который запросто мог купить весь этот гребаный, заметенный снегом регион, вдруг растянулся на нерасчищенной дорожке к подъемнику. И даже не один раз!

Снова поскользнувшись, но на этот раз все-таки устояв, он мрачно оглянулся на Юру, а тот ни на кого не смотрел. Юра, в очередной раз растянувшись на дорожке, ухнул в сугроб, радостно засмеялся и развел в стороны руками (ну, что поделаешь — Сибирь, тайга, все дела), и Константину, глядя на счастливое лицо друга, даже не хватило слов выругаться, оставалось только тяжело вздыхать. Да что он вообще здесь забыл??

Наконец-то они дошли до подножия горы Зеленая и стали разглядывать на огромном цифровом экране карту склонов. Надо же, очень технологично, что было большой неожиданностью после кривых и косых дорог, конечно же. Из-за сильного ветра и снега работало только несколько нижних подъемников центрального сектора. Не густо, но для первого раза после долгого перерыва сойдет. Константин, тем временем, картинно закатывая глаза, разглядывал совершенно невысокие заснеженные вершины. Ну и местечко выбрал Юра. И что тут делать неделю-то?

Они зачем-то долго приценились и, наконец, купили дневные ски-пассы на оставшийся день, и до обеда успели скатиться ровно шесть раз, отстояв очереди на подъемники, чередуя трассы и фрирайд между ними. Хорошо хоть, народа было не очень много.

С одной стороны, можно было просто докупить всем VIP-проход и не париться в очереди, хмуро думал про себя Константин, но, в то же время, он злорадно помалкивал: вот и пусть их такая крутая компашка не выеживается, они же хотели быть, как все, — и просто угрюмо смотрел на разноцветную толпу лыжников и сноубордистов у подъемников, неспешно скользя с одной пристегнутой к доске ногой к турникетам подъемника. Терпел, потому что ему вдруг очень захотелось пострадать и себя, такого несчастного, пожалеть. Это же такое интересное чувство, все-таки.

Он, неожиданно, отметил, что сноубордистов здесь, на склонах гор в этом заснеженном и забытом цивилизацией местечке в центре Сибири, было преобладающее большинство, и это очень сильно его удивило. На всех прежних курортах без исключения, на которых он до этого бывал, Константин всегда чувствовал себя на борде в эдаком эксклюзивном меньшинстве. Надо же, как оказывалось, молодежь России предпочитает определенный риск.

Но это был еще не конец, на этом их мученическая полусмерть вообще не закончилась, потому что потом повалил такой жуткий снегопад и началась самая настоящая сибирская метель, что они на середине очередного спуска с горы, решив съехать немного в лес, попросту провалились в сугробы в этой белой молочной каше и увязли по пояс. Кататься наощупь, когда рельеф белоснежных склонов сливается с не менее белоснежным небом, стало не просто невозможно, а даже и небезопасно. Маски моментально запотевали изнутри и запорашивались снегом снаружи. Набирать скорость в белой мгле, когда перед тобой неожиданно возникала очередная елка, было невозможно, они просто рисковали разбиться, а это было бы ну прям

совсем глупо в первый же день их отдыха. Прекрасным бонусом они все промокли насквозь внутри и снаружи, несмотря на защитную мембрану в 15К, и устали невероятно, постоянно выкапывая себя из снежного плена, в который перманентно скатывались. Ну просто нескончаемые тридцать три несчастья!

И Константин в очередной раз проклял все на свете в этом логове снежного сатаны, будь оно неладно.

На сегодня с них хватит. Хлопнув по несколько порций Ягера и немного согревшись, они кое-как дошли до отеля в горку по абсолютно такой же, как и с утра, нерасчищенной дороге (хотя, кто знает, может ее просто заново завалило бесконечным снегом с небес). Они постоянно проваливались в него по колено, таща за собой сноуборды и лыжи, и, конечно же, встречный паскудный ветер им совсем в этом не помогал. Как будто вся природа сговорилась разом против них. И потом долго отогревались в номерах под горячим душем.

Если снегопад продолжится, то завтра все повторится, дороги опять толком не расчистят, верхние подъемники будут закрыты, кататься нормально снова будет невозможно, и никуда им от этого не деться.

И их так называемый отпускной квартет застрял в этом адовом бескрайнем снегу. И дня еще не прошло, как они все уже успели соскучиться по ясному голубому краснодарскому небу, к которому давным-давно привыкли, и практически не замечали его дома.

Везде, на сотни километров вокруг них, вверху и внизу, все было разных оттенков белого и серого, и от этого невыносимо—унылого, размытого сочетания цветов, от которого никуда было не спрятаться и не деться, у Константина, у которого и так было плохое зрение, совсем разболелись глаза.

В общем и целом, даже мегапозитивный, оптимистичный и никогда не унывающий Юра выдал к вечеру неутешительный вердикт:

— Полный хврат по всем фронтам. Нам нужно просто постараться как-то выжить в ближайшие пару дней. Потом, вроде, должно распогодиться. Хотя, зная наших синоптиков...

Он часто любил придумывать новые непонятные словечки и ласково называл их «дери-вативчиками», производными от обычных, всем понятных слов и выражений.

И вот поэтому сегодня, в субботу, после ужина, в начале десятого вечера, Константин уныло сидел за барной стойкой в полном одиночестве и разглядывал батарею ровно стоящих бутылок на зеркальной стене напротив него. От невыносимой безнадёги, продолжая рефлексировать над своим плохим настроением и над нескончаемым снежным шепитом за окном, ему вдруг захотелось напиться, как никогда.

Парни, Темыч и Даня, остались в номере тупо пить дорогуший ром с колой и играть в PlayStation Pro, захваченную из дома на случай смурных вечеров (вот как раз такого первого субботнего здесь). Но Константину ни играть, ни сидеть в номере за ноутбуком и деловыми разговорами сейчас совсем не хотелось, и он спустился в бар напротив ресторана отеля в ожидании Юры. А тот что-то совсем не спешил, разбираясь с сауной, звонить Константин ему не стал: Юра знает, где он, и придет за ним, когда все организует.

Константин уже давно ничего не пил крепче пива, и только иногда немного вина, и никак ему было не выбрать сейчас, он шурился и даже в очках с трудом различал названия алкоголя на этикетках, параллельно пытаясь что-то придумать и как-то все-таки попытаться незаметно свалить из этого замеченного снегом и как будто бы Богом забытого местечка обратно в тепло, домой, в родную и любимую Кубань.

Тем не менее, пока это ну совсем никак не получалось, так как все дороги из поселка были перекрыты снежными заносами, снегопад продолжался с такой силой, что даже стекла в окнах бара почти до самого верха были занесены снегом. Такого Константин раньше нигде и никогда не видел. И даже для человека, у которого был свой собственный самолет, свой

собственный вертолет, собственная яхта и прочие, недоступные для большинства людей, блага цивилизации, выбраться отсюда сейчас было ну просто невозможно.

Против стихии природы все твои банковские счета с многочисленными нулями, возможности и привилегии не имеют никакого значения, так же как, впрочем, и против твоих чувств. Но этого Константин пока еще не знал, или знал, но успел за последние несколько лет подзабыть, и сама жизнь еще оставила ему несколько часов для достаточно беспечного, как потом оказалось, времяпрепровождения.

Но сейчас навязчивые мысли все-таки никак не оставляли его в покое: как только закончится снегопад, распоряджусь прислать вертолет, пусть как хочет, но прилетает и забирает меня отсюда в аэропорт, — хмуро подумал он. Иначе, всем несдобровать.

Народа в баре было немного, несколько компаний сидели тут и там, кто-то отмечал день рождения, иногда звучали тосты, слышался негромкий смех, звенели, чокаясь, бокалы, и фоном играла ненавязчивая музыка. За окнами в свете фонарей искрился бесконечный снег.

Константин отвернулся от окна, в очередной раз сдвинул брови, сделал постное лицо и скептически поджал губы. Вечер еще толком не начался, а ему уже все это порядком надоело. И куда, мать его, провалился Юра, сколько можно ждать то?

Хотя, оглядевшись по сторонам, он не мог не признать: в неожиданно оказавшемся очень стильном баре отеля было достаточно атмосферно, приятно, и по-своему, уютно — даже на его очень избирательный и придиричивый вкус.

Бармен, молодой и симпатичный, с густой пшеничной шевелюрой, протирает бокалы, нарезал лимоны, раскладывал коктейльные трубочки — в общем, чтобы не сидеть на месте, от скуки занимался мелкой барменской моторикой, и с любопытством поглядывал на, пока что, единственного посетителя за барной стойкой.

Напротив него, чуть сгорбившись из-за роста, сидел очень высокий и очень худой мужчина в изящных, чуть затемненных очках. У бармена был наметан глаз, но сейчас сходу определить возраст ему не удалось. Ужасно некрасивое, бледное, тонкое лицо было практически без морщин, только между темных бровей залегла неглубокая складочка, но коротко подстриженные волосы были практически все седые, поэтому, скорее всего, слегка за сорок, но точно меньше пятидесяти. Длинные пальцы с мужским маникюром (надо же), на безымянном пальце не было кольца — правда, это ни о чем не говорит в наше время. Особенно на горнолыжных курортах, куда частенько приезжают отдыхать сугубо мужскими компаниями.

Очень стильный темно-оранжевый брендовый кашемировый свитер с V-образным вырезом небрежно надет на бледно-голубую рубашку; рукава свитера закатаны, а сверху также подвернуты и рукава рубашки. На манжетах вышиты инициалы, а на тонком запястье его левой руки болтались безумно дорогие, мерцающие бриллиантами очень красивые часы Patek Philippe, возможно, даже из последней коллекции, а может, и нет — в таких вещах молодой бармен пока еще не очень-то разбирался. На стойке перед мужчиной лежало два смартфона и дорогой кардхолдер.

Как интересно, но он даже не сильно удивился, к этому бармен уже давно привык. Он много чего уже повидал уникального в этом отеле для богачей за два года своей работы. Но этот чувак был однозначно богаче всех остальных постояльцев, которых он здесь встречал. И он продолжил с любопытством украдкой разглядывать этого необычного посетителя.

Скульптурное лицо с прямо-таки заострившимися чертам и римским носом выдавало какие-то серьезные проблемы со здоровьем. С виду очень состоятельный, дорого одетый, ухоженный, даже холеный, но какой-то угрюмый, не очень приятный и одинокий, и по всему виду не совсем здоровый, и никакие деньги ему не помогают — вот ведь как бывает. И бармену, совсем не такому богатому, но молодому, здоровому, с хорошей фигурой и румяными щеками, даже стало его немного жаль. Ну скажем так, жаль немножко свысока. Вот как, однако.

Мужчина шурился за стеклами очков, разглядывая меню, и хмуро водил взглядом из стороны в сторону по бутылкам с алкоголем на стене за стойкой, и никак ему было не определиться с выбором напитка.

«Еще и нерешительный какой-то, это тоже не прибавляло ему очков», — усмехнулся про себя бармен.

И в этот самый момент, как будто бы случайно услышав такие не самые лицеприятные мысли парнишки на свой счет, худой, некрасивый мужчина напротив вдруг выпрямился, стал как будто бы еще выше ростом, снял очки, потер переносицу и посмотрел бармену прямо в глаза.

Строгий взгляд неожиданно очень привлекательных темно-серых глаз, в обрамлении густых красиво изогнутых длинных ресниц, изменил его лицо до неузнаваемости. Взгляд был прямой, очень уверенный и выдавал в его обладателе невероятную внутреннюю силу и незаурядный, недюжинный интеллект. Глаза без очков удивительным образом преобразили его целиком, сделали визуально моложе, и в этот самый момент парнишка-бармен уже не увидел ничего из того, что он видел раньше: ни болезненной худобы, ни пергаментной кожи с тонкими голубыми венами на внешней стороне ладоней, ни бледного, невыразительного, измученного лица.

Изменение во внешности было настолько мгновенным и магическим, что бармен даже немного растерялся и часто заморгал, как будто ему что-то попало в глаза. Как это так может быть? Мужчина за барной стойкой неожиданно стал ему почти симпатичен. И, засмотревшись в эти удивительно красивые, очень необычные, как будто бы бархатные темно-серые глаза, бармен, как бы, немножко извиняясь за все свои предыдущие мысли, даже улыбнулся их владельцу уже почти по-дружески.

И, продолжая гадать над этим невероятным превращением и раздумывая о том, что некоторым людям, наверное, не стоит носить очки, чтобы не скрывать за ними такую выразительную красоту, он чуть было не выронил бокал, когда наливал пинту нефильтрованного пива подошедшему клиенту — мужичку лет пятидесяти, с предательски выпирающим из-под рубашки животом.

Слегка потянуло свежим воздухом, стукнула дверь, и в помещение с улицы вдруг ввалился огромный сугроб. Константин недовольно скосил глаза, фух, показалось, конечно.

Девушка в роскошной, практически до пят, белой норковой шубе и, неожиданно, забавной пушистой розовой шапке с голубым помпоном споткнулась о порог, запнулась, но устояла и не упала. Скинула шубу на высокий стул рядом с Константином и осталась в не менее пушистом белом свитере. Надо же, был сугроб, а стал снежок. Сняла шапку, тряхнула головой, прямые, как стрелы, блестящие, тяжелые волосы разлетелись по плечам, а дальше от волос на пол полетели веселые искорки снега. На контрасте со свитером волосы казались черными.

В этот момент Константин вдруг почувствовал предательскую слабость, к горлу подкатил неприятный спазм, он прикрыл глаза, вцепившись пальцами в барную стойку, но тут же ему показалось, что помещение как будто бы проветрило, откуда-то почудился бодрящий цитрусовый аромат, задышалось легче, и слабость так же быстро отступила. Что это было?

Девушка слегка кивнула головой в знак приветствия и улыбнулась Константину, но не кокетливо, а как-то буднично, как хорошему знакомому, повернулась к бармену, поздоровалась, улыбнулась и ему тоже и заказала бутылку лимонада «Натахтари» со вкусом фейхоа. «Вот те раз, — подумал Константин, — и какие только странные вкусы не бывают у людей!»

Брюнетка поймала его слегка ироничный взгляд, но не отвернулась, а снова без тени стеснения улыбнулась ему маленькими ямочками на щеках, и, неожиданно, склонив голову набок, спросила:

— Пробовали?

Константин, пытаясь подавить очередной спазм, сглотнул и молча покачал головой из стороны в сторону. Разговаривать ему сейчас не хотелось, но, чтобы не выглядеть совсем невежливым, он постарался улыбнуться. Вышло так себе.

Девушка снова повернулась к бармену:

— Дайте, пожалуйста, еще один бокал?

Ее голос прозвучал так ласково и игриво, как будто она что-то задумала, и когда бокал с бутылкой перед ней случайно столкнулись на стойке, то Константину показалось, что где-то рядом с ними звякнули рождественские колокольчики. Он на нее сейчас не смотрел, но почему-то был уверен, что ей весело, что у нее хорошее настроение, и она продолжает улыбаться. Неожиданно для себя, он повернулся к ней и тоже улыбнулся, уже намного приятнее. А еще через мгновение нахмурился. Улыбаться каким-то девицам в норковых шубах, пусть даже таким привлекательным и прелестным, в его планы совершенно не входило.

Парнишка-бармен тут же поставил на стойку еще один стакан с трубочкой, с неподдельным интересом наблюдая за ними. Девушка ловко поддела колечко на крышке бутылки: чпоок — и разлила газировку в два бокала, один подтолкнула по стойке в сторону Константина.

— Попробуйте, это очень вкусно.

И, ласково улыбнувшись ему ямочками на щеках в третий раз, расплатилась карточкой, ловко подхватила свою невероятную шубу, шапку в одну руку, бокал в другую и, как эквилибрист, балансируя между столами и стульями, направилась к компании в глубине бара.

Константин с удивлением, и даже слегка приоткрыв рот, уставился сначала на стакан с зеленоватой жидкостью перед собой, потом вопросительно поднял глаза на бармена, который, слегка пожав плечами, снова поразился их необычной, небанальной красоте и, уже после, повернулся на стуле и проводил взглядом девушку.

Она подошла к дивану на другой стороне бара, свою пушистую белую шубу положила на спинку, и теперь в сугроб превратился уже сам диван. Чуть выше среднего роста, вся на контрасте: крепкие длинные ноги в черных лосинах, белый свитер, темные волосы, белое лицо. Симпатичная, молодая, в хорошей физической форме, именно про таких говорят — кровь с молоком. От нее веяло прохладой, лимонной и инжирной свежестью, щеки розовели здоровым румянцем. Настоящее воплощение чего-то безумно приятного, очень понятного и родного, ее хотелось обнять.

Константин невольно залюбовался девушкой и снова улыбнулся своим мыслям. И тут же с раздражением подумал, какой же он старый и страшный стал после болезни, после пережитого курса химии и всего того последующего количества принимаемых им лекарств. Хорошо, хоть гормональная отечность лица и тела у него уже отошла и спала, этот ужасный ужас был забыт, но зато бонусом он стал почти весь седой. Старый, слепой крот. Он с отвращением покосился на очки. А ведь ему нет еще и сорока пяти.

И сейчас он уже почти на грани полного отчаяния пожалел: зачем только он согласился поехать с Юрой сюда, на горнолыжный курорт? В это царство абсолютного здоровья?

На диване сидели двое и еще одна кудрявая девушка напротив, на низком стуле с другой стороны стола. Все их лица были в тени, но по каким-то визуальным и, в общем-то, достаточно очевидным ему признакам Константин неожиданно осознал, что все они — иностранцы. Причем из какой-то солнечной и очень теплой страны. Южный цвет кожи, роскошные мягкие темные волосы и странные яркие наряды не очень соответствовали внешности и стилю бледнолицых европеоидных славян. Хмм, ничего себе... вот Юра бы сейчас точно обалдел от такой встречи здесь, ему как никогда стоит поторопиться.

С краю, на широком подлокотнике дивана, выставив вперед под прямым углом невероятно длинные ноги, сидел высоченный красивущий парень-баскетболист, гладкая оливковая кожа, очень короткий ежик белых волос, полные красиво очерченные губы. В ушах поблескивали сережки-гвоздики, светлая шикарная рубашка и темные брюки — тоже на контрасте.

Что-то в нем было неуловимо-неправильное. Константин с удивлением смотрел на него, как на прекрасную античную статую в музее. Мулат в Сибири — как такое возможно?

Девушка в белом свитере подошла, расцеловалась с кудрявой девушкой на стуле, потом со вторым парнишкой на диване и села к баскетболисту на одно колено, засмеялась, обняла и ласково чмокнула его в шею. Тот в ответ улыбнулся, сверкнув белыми ровными зубами, прижался к ней, погладил ее по спине, его большая рука утонула в пуху ее свитера, как в снегу, — потянулся губами и втянул Натахтари через трубочку. Константин скептически сдвинул брови, нахмурился: «Какая странная парочка».

Развернулся на барном стуле к стойке, вынул трубочку из своего стакана и тоже сделал глоток. Надо же, очень вкусно. Неожиданно напиться ему расхотелось. Он сделал еще глоток, разглядывая зеленоватую жидкость на дне бокала, и в этот самый момент в бар, практически в танце, вошел Юра — спортсмен и любитель горнолыжного отдыха, всегда в движении. Ну наконец-то.

— Константиныч, аллес гуд, сауна забронирована, нас ждут два часа блаженства и даже легкий массаж, парни уже переодеваются, погнали!

Иногда он, когда обстрипывал какие-то важные дела (а сейчас этим очень важным, насущным делом была индивидуальная сауна с бассейном только для них четверых, очень соответствующая по цене), любил придавать общению с Константином какой-то особенной наигранной официальности и значимости.

Юра, на двадцать сантиметров ниже и на шесть лет моложе, выглядел так, будто его отфотошопили: спортивный и подтянутый, модно подстриженный, затылок тщательно выбрит, а светлая челка тщательно уложена на одну половину лба, — и это именно он вытянул его в этот снежный ад, пообещав в том числе ежедневные бассейн, баню и сауну апре-ски. «То, что доктор прописал старому, больному псу», — хмыкнул про себя Константин.

Он снова повернулся на стуле. Баскетболист и девушка в белом свитере сидели все в той же позе, о чем-то увлеченно шептались и почти допили свой напиток — один бокал на двоих. Ну нет, так не пойдет, и он подозвал жестом бармена.

— Дайте еще три такие же бутылки лимонада с фейхоа.

Тот, удивленно улыбаясь, кивнул и пробил заказ. Одну бутылку Константин сунул в руки ничего не понимающему Юре и со словами:

— Подожди, я сейчас вернусь, — с двумя другими встал и решительно направился к компании на диване.

Юра с нескрываемым интересом переглянулся с барменом, и они оба уставились ему вслед.

Мулат удивленно посмотрел на приближающегося Константина — даже не на него, а на бутылки в его руках. А девушка-снежок, как про себя окрестил Константин брюнетку в белом свитере, подняла глаза, опять улыбнулась и встала с его колена. Мулат тоже поднялся, как-то странно повел бедрами, и в этот момент Константин вдруг понял, что не так.

Это оказался не парень, а высокая, возможно, даже чуть выше Константина, который был, на минуточку, сто девяносто шесть сантиметров ростом, мощная, косая сажень в плечах, ну точно баскетболистка. Стильная рубашка с набивным рисунком обтягивала широкую накаченную спину, на шее — цепи, длинные руки — все в бесконечных татуировках и кожаных браслетах, но, тем не менее, молодая девушка.

Константин завороченно смотрел на это секундное преобразование, не веря своим глазам, улыбка сошла с его лица, превратившись в гримасу. И он даже отступил на шаг назад от неожиданности. Да что вообще происходит?

Но сдавать назад уже было поздно, и, очнувшись, он протянул две бутылки лимонада девушке в белом свитере.

— Очень вкусно, спасибо, ни разу не пробовал такое, это вам, еще раз спасибо, я Константин, а там Юра, — он махнул рукой в сторону своего друга, топтавшегося у стойки.

Вот так — почти без пробелов и пауз, на одном дыхании, — как будто боялся забыть слова, а потом зачем-то взял и пожал руку девушке-мулатке.

— Меня зовут Камилле, очень приятно, — представилась та по-русски тягучим женским голосом, с ужасным акцентом, открыто улыбнулась, демонстрируя прекрасные белые зубы — мечту любого посетителя стоматолога, и крепко пожала его руку двумя руками в ответ.

— А я Габриэла, можно просто Габи, — улыбаясь ямочками, брюнетка тоже протянула Константину руку, чтобы хоть немного сгладить неловкость.

Пожатие ее прохладной руки вернуло его к действительности.

Константину Николаевичу Казаринову было сорок четыре года, он родился на юге России и всю жизнь прожил на Кубани, двадцать пять лет был в бизнесе, владел огромной сетью ритейла, которую недавно продал из-за определенных обстоятельств, на вырученные от продажи средства построил в Краснодаре — городе, который очень любил и с которым много лет назад связал свою жизнь навсегда, фантастический парк для горожан и невероятный спортивный стадион, приобрел футбольный клуб, стал его президентом, довел его до финала и даже выиграл с ним в прошлом году чемпионство России. Он почти четыре года назад потерял жену, и сам сейчас восстанавливался после очень тяжелой болезни, когда в процессе лечения уже особо ни на что не надеялся и даже заглянул смерти в лицо. Он давно ничего не боялся, был все еще слаб физически, но не духом, и ему казалось, что его уже ничего не могло удивить.

Но то, что произошло вдруг сейчас с ним здесь, в этом замеченном по самую крышу баре, в не менее замеченном снегом поселке, и эта дорогушая шуба—сугроб, и ровные, блестящие, как у куклы, волосы, и лимонный аромат, и мгновенная перемена на его глазах парня-мулата в девушку, и в целом встреча с такой необычной парочкой... И если бы кто-то рассказал такое Константину еще неделю назад, то он бы никогда не поверил, что такое возможно именно с ним и именно здесь.

И он вдруг мгновенно перестал злиться на Юру за то, что тот завез его в это снежное чистилище, которое неожиданно и чистилищем быть перестало, и только ради этого удивления от такого знакомства уже можно было сюда прилететь. Ему вдруг стало необычно весело и легко внутри. И сразу же в голове вихрем пронеслось дальше: что эти два максимально не похожих друг на друга человека, таких разных размеров, да просто из параллельных вселенных, делают вместе? Здесь?? В этой глуши???

Камилле и Габриэла, между тем совершенно не подозревающие о хаосе в его мыслях, смотрели на него во все глаза с улыбками и приглашали за свой стол, но к нему уже спешил с круглыми глазами Юра, напомнить, что их все-таки уже давно ждет индивидуальная сауна, с огромным трудом забронированная, и парни уже обзвонились. Им действительно было пора. Уходить Константину почему-то уже совсем не хотелось, крючок любопытства был сильнее любой другой наживки, но, тем не менее, пришлось попрощаться.

— Надеюсь, увидимся завтра на склоне, — в спину им ласково сказала девушка-снежок-в-белом-свитере.

Он снова услышал и почувствовал, что она улыбается, обернулся и опять увидел милые ямочки на ее щеках. И очень внимательно, без улыбки глядя на нее, зачем-то кивнул в ответ. Он просто не смог оставить ее «надеюсь, увидимся» без ответа. Да что это с ним такое творится, черт возьми?

Они вышли из бара. Юра вопросительно разглядывал бутылку лимонада, поглядывал снизу вверх на друга, потом не выдержал и тут же затребовал хоть какое-то объяснение, что могло произойти за те полчаса, пока Константин остался в баре один, и тут же нашел себе компанию, да еще какую необычную. Вот ведь жулик какой! Он был очень заинтригован зна-

комством, но Константин молчал, отмахнулся и сказал только, что это все ерунда: не бери в голову, ничего особенного.

— Просто эти странные люди угостили меня лимонадом, а я не ожидал, что тот такой вкусный, вот ты тоже попробуй, — он ткнул пальцем в бутылку Натахтари в Юриных руках.

Но мысли его на самом деле бессодержательно крутились сейчас в голове обо всей этой странной встрече с не менее странными молодыми женщинами. Очень интересно, конечно. Все последующие часы, проведенные после бара в сауне, в бассейне и на легком, расслабляющем массаже ног, у Константина из головы почему-то не выходили слова этой темноволосой Габриэлы на прощание. Они явно подразумевали какое-то возможное продолжение, которого Константин еще некоторое время назад совсем не планировал, но о котором, сейчас, почему-то совсем не мог перестать думать. Что за странные дела?

День третий. Попробуй разгадать меня, если осмелишься

На следующее утро, сидя очень рано за завтраком в их дорожном отеле и смотря в окно, как тяжелые гусеницы оранжевых и красномордых, с виду неповоротливых ратраков, неожиданно резво и быстро доразравнивают трассы после ночного снегопада, Константин вдруг твердо решил, что сегодня он кататься точно не пойдет. В нем включилась какая-то подростковая стадия отрицания. Юра укоризненно посмотрел на него: «Ну что за дела, за окном распогодилось, а Костян опять чем-то недоволен», — но настаивать не стал: «Если передумаешь, дай знать, встретимся на склоне».

«Пойду и попробую вызвать вертолет, улечу нафиг отсюда», — в очередной раз, как будто у него что-то заклинило где-то на подкорке мозга, подумал Константин. «А если не получится, то уйду куда-нибудь на окраину поселка, может упаду где-нибудь в сугробе и замерзну». А вот это уже было что-то новенькое. Ну и поделом ему будет, дураку, как он мог вообще согласиться на всю эту авантюру?

Ему вдруг невероятно захотелось себя снова пожалеть, такого одинокого и несчастного, которого давно уже никто не жалел, не гладил по голове, да даже толком не обнимал. Да что ж это с ним такое то, стареет, что ли? Когда вернется домой, сразу же съездит и навестит дочь и родителей. Константин вдруг почувствовал, что очень соскучился по маминым ласковым рукам.

Снег шел всю ночь и прекратился только под утро. За окном в облаках виднелись проблиски голубого неба, обещая хороший день, и магический флер от вечернего знакомства немного отпустил. Он раздумывал про себя и счел вчерашнюю парочку, если они, конечно, парочка, а они ведь наверняка парочка, просто хайповой и эксцентричной, а всю эту историю с перевоплощением парня в девушку — совершенно идиотской. И перепутал он, просто потому что совсем слепой. И подружки ему эти совсем не интересны. Если любят друг друга, ну что ж, ну и молодцы, флаг им в руки. Может, у них не все дома, да так и есть конечно же, при таком максимально нестандартном выборе друг друга в партнеры. Хотя, кто знает, какие там у них отношения, может они и не пара вовсе, да ну нет, конечно же, они пара. Почему-то триста—пятьсот одинаковых мыслей крутились одновременно в его голове по кругу, ну и зачем ему вдруг понадобилось вообще обо всем этом думать? Но и не думать об этом у него почему-то тоже совсем не получалось. Надо же, как бывает.

Не то, чтобы Константин был ханжой, или ярым противником таких, в общем-то для него, не совсем понятных, отношений, но все равно, как-то не доводилось ему раньше с такими людьми близко общаться. К тому же он искренне недоумевал, потому что они были, на его сугубо мужской взгляд, слишком красивые для всего этого, особенно эта Белоснежка в дорожной шубе. Поэтому он и не смог сразу разгадать ее сущность по одному внешнему виду, с первого взгляда за барной стойкой. А как вообще можно разгадать сторонницу таких отношений в такой необыкновенно привлекательной девушке? Конечно, никак.

Но продолжения общения он, в любом случае, не желал, с какой стати-то. Так что никакой встречи на склоне не бывает. Да и о чем им общаться-то, и зачем встречаться? Правильно: не о чем и не зачем, и не интересно ему все это от слова совсем. Они — люди из разных миров, понятно же.

Но что-то сегодня утром с ним все-таки творилось не так, потому что, вернувшись после завтрака в свой просторный, практически стометровый супер—люкс, он вдруг, неожиданно для самого себя, не раздумывая ни секунды, натянул термобелье, защиту спины и копчика, сноубордические штаны, взял шлем и куртку, спустился вниз в ски—рум, достал борд из шкафа, передел тапочки на ботинки, натянул балаклаву и куртку и вышел на улицу. Вот так, без пауз и раздумий, он очнулся уже на свежем воздухе.

За это время он успел дважды вспотеть, но в целом чувствовал себя вполне себе сносно. Какое-то странное внутреннее любопытство и ожидание чего-то нового и необычного, того, что он уже давным-давно не испытывал, и в чем он сейчас ну никак не мог сам себе признаться, придавали ему дополнительных сил.

Солнце уже светило на ярко-синем небе так, что казалось, будто под ногами не снег, а рассыпанные щедрой рукой той самой снежной королевы из Юриных фантазий осколки разноцветного горного хрусталя, перемешанного с сахарной пудрой. Все вокруг сверкало и искрилось. Сегодня даже дорога к склонам была более-менее расчищена, и на небольшом минусе, достаточно комфортном для катания, ему сразу же стало совсем хорошо, и он уже чуть ли не вприпрыжку зашагал к подъемнику.

Конечно же, эти две энергичные, спортивные девицы были уже на горе, любительница белого меха и ее высоченная, загорелая подруга. Константин их почти сразу же заприметил и узнал около центрального подъемника, поднимающего райдеров на самый верх горы Зеленая. Полметра разницы в росте и контраст в одежде все-таки очень заметны. Они катались вдвоем, интересно, а где же их иностранные друзья?

Надо же, Снежок тоже на борде, как и он, а вот баскетболистка — на лыжах. В горнолыжных комбинезонах, шлемах и масках они снова выглядели как обычная пара — парень и девушка. Издалека казалось, что это просто высоченный лыжник полностью в черном от и до, только шлем сверкал синей линзой маски, и рядом, на полголовы ниже девчужка-сноубордистка в разноцветном зелено-розово-голубом комбинезоне и шикарном фисташковом шлеме со встроенным визором, линза которого тоже была синяя. Ну просто масочные синхронистки какие-то, парочка — «гусь да гагарочка», не хватало только поцелуйчиков и объятий для полного счастья.

Тяжелый скепсис Константина не знал границ, ведь он-то уже подозревал правду, что там происходило между этими двумя на самом деле, и что все это было совсем не так невинно, как выглядело со стороны. Тем не менее, ничего предосудительного видно не было: вели они себя, как обычные друзья, а каталась Снежок действительно неплохо, стойка шикарная. Воин в черном тоже не отставал.

Константин смотрел, смотрел на них, а потом решительно отвернулся, но почему-то решил подняться за ними снова на следующем подъемнике и скатиться еще раз, и, обогнав их на склоне, сдвинул маску на шлем вверх так, чтобы было видно его лицо. Понятно почему: в шлеме, балаклаве и закрытой горнолыжной маске его попросту было невозможно узнать. И конечно же, его так называемая «скрытая» стратегия сработала. Когда они наконец скатились вниз с горы, то сразу же его узнали и подкатились вплотную к нему уже в самом низу, около подъемника.

— Ух ты, вот так встреча, я же сказала, что мы увидимся снова! Привет-привет! — слишком громко поприветствовала его Снежок.

— Ола-ола! — заулыбалась баскетболистка.

Габриэла, практически въехав в его борд своим Бертоном¹ и затормозив об его спину, обхватила его в знак приветствия руками сзади, чтобы не упасть, слегка приобняла и весело засмеялась, и опять ему почудился аромат лимонных деревьев рядом. И от этих объятий ему вдруг стало почему-то так радостно, что, когда он резко повернулся, и чуть не столкнулся шлемом с Камилле, то они вдвоем рассмеялись, показывая, что надо же, действительно они почти одного роста. «И конечно же, у них с Габи не полметра разницы, блин, — подумал Константин. — Может, сантиметров двадцать пять, или даже двадцать. Что ж, очень жаль».

Они втроем сели на кресельный подъемник, поднимающий лыжников на гору Мустаг.

¹ Burton — бренд, стоящий у истоков сноубординга.

Миле — как Снежок ласково называла Камилле, и что в ее вольном переводе с италияно-испанского на русский означало «мед, медок», и как она объяснила дальше, — не владеет русским: немного понимает, что говорят, но ответить правильно не может, только общие фразы. Поэтому, если Константин знает английский, то лучше при ней разговаривать на нем, если он, конечно, не против.

Константин английский знал и вроде бы был не против, поэтому кивнул. Миле оказалась не мулаткой, а креолкой, она родилась в Перу, и не баскетболисткой, а профессиональной волейболисткой, и сейчас играет в испанском клубе и за сборную Испании, живет в Барселоне, у нее испанское гражданство. Константин почти ничего о женском волейболе не знал, никогда им особо не интересовался и не смотрел, но слушал сейчас Габи очень внимательно. Он и сам всю свою жизнь с детства был связан с профессиональным спортом, только с футболом.

А сама Габриэла родилась в Москве, но в детстве, в три года, по семейным обстоятельствам переехала в Казань и прожила там несколько лет. Потом она вернулась обратно, в Москву, и школу, а потом и университет заканчивала уже в столице. И живет там, в последнее время, вот правда, частенько летает в Испанию.

Ну понятно почему — к любимой креольской подружке, живущей в Барселоне. Настроение у Константина почему-то вдруг снова скинуло пару градусов радости. И с чего бы это его вдруг так шатает сейчас-то?

Снежок продолжала: сейчас у Миле отпуск от сборов и соревнований, и вот Габи решила ей наконец-то показать все красоту своей многогранной и невероятно контрастной, необъятной Родины. Так и сказала — Родины. Константин прямо услышал это слово с большой буквы и даже покосился на нее. Девушка улыбалась, но говорила серьезно. Они побывали в Москве и Санкт—Петербурге, оттуда слетали в Калининград, побывали на Куршской косе, видели Танцующий лес, скатались на велосипедах на пароме на форт Западный и в ржавый город на Балтийской косе, потом полетели в столицу закатов — красивейший Нижний Новгород, оттуда махнули в Казань, где прошло пять лет детства Габи, сплавали в построенный Иваном Грозным Свияжск, и вот сейчас, наконец-то, после всех этих достаточно динамично развивающихся, по-своему красивых городов, добрались и до этого, кривенького, очень странного и затерянного в тайге поселка — горнолыжного центра Горной Шории, чтобы покататься здесь в горах целую неделю и отдохнуть от перелетов и разъездов в глуши.

Габи загорелась этой идеей, потому что она очень любила горы, очень любила фрирайд, и ей захотелось показать Миле настоящее сибирское сердце. Ну а та была, в принципе, совсем не против таких зимних забав, и была очень рада составить ей здесь компанию на целую неделю. Чудесное завершение их отдыха. Ну а потом, когда отпуск закончится, Миле улетит обратно в Барселону через Стамбул, а Габи — прямым рейсом в Москву.

«Понятненько, что уж тут непонятного-то!» — снова подумал про себя Константин.

Однако неплохие у них получаются каникулы, интересный и продуманный маршрут, молодцы. Но какая-то она все-таки странная москвичка, с таким увлечением рассказывает о городах России, невольно, с даже с некоторым удивлением Константин вскинул брови под маской.

Сам то он как-то москвичей как раз не особо жаловал, а Москву просто физически не переносил. Бывал в столице раз пять-шесть в году по делам и всегда максимум на пару дней — больше не выдерживал безумного ритма. Огромный, шумный и слишком динамичный город, вечно увязающий в бесконечных пробках. Широоченные проспекты, многоэтажные суровые многоподъездные дома, серый город из стекла и бетона. И москвичи, по его личному мнению конечно же, были все какие-то хмурые, высокомерные и неразговорчивые снобы, считающие себя исключительными и выше по положению жителей других городов.

Но почему-то сейчас, сидя на подъемнике, везущем их престраннейшую, разношерстную троицу на вершину горы, он вдруг вспомнил одну известную московскую больницу, в которой

он несколько лет назад проходил тяжелое лечение, и ту расчищенную дорожку от ворот до главного входа, по которой отказывались идти его ноги, и строгого пожилого доктора, и улыбкающих медсестер, и даже старенькую санитарку, которая помогала ему вставать и ложиться после капельниц. Тогда он был слишком занят своими проблемами, весь погряз в нездоровье, и совсем не задумывался о них, об этих людях. Они были для него как фон, а сейчас вдруг вспомнил и задумался: они все были к нему так добры, и никто из них не сказал ему ни одного плохого слова, даже когда его страшно выворачивало после очередного протокола, и он не успевал доползти до туалета. А ведь это было в Москве, и они все в той или иной степени были жителями Первопрестольной.

И Габриэла здесь, с ним на подъемнике, с ее улыбкой, смехом и ласковым голосом — самое что ни на есть прямое подтверждение его хороших воспоминаний об этих людях и неожиданной кардинальной перемены чувств к жителям столицы. Ведь действительно оказывается, что и не хмурые они вовсе, и не серые, и даже не снобы, а смешливые, ребячливые и болтающие без умолку, и вообще — откуда он взял всю эту чушь? Ему даже стало как будто бы немного неловко за эти мысли перед самим собой.

Между тем, — продолжала свой монолог Снежок, которая никак не могла уgomониться (а может, ей просто хотелось наконец-то с кем-то поговорить по-русски в этой испаноязычной компании?), — Миле катается только до обеда и пока только по трассам, мы еще толком не развели местность, а у нее слишком дорогое тело, чтобы рисковать.

Тут она хихикнула, но в ее смехе Константин уловил только искреннюю теплоту и уважение к чужим достижениям и профессионализму.

В этот момент Снежок расстегнула и сняла шлем, чтобы быстро протереть визор, и Константин наконец смог внимательно рассмотреть девушку. Он поглядывал на нее украдкой, как будто слегка стеснялся своего интереса. При дневном свете ее волосы, заплетенные под шлемом в тугую косу-колосок, оказались не черными, а темно-каштановыми с рыжими и медными прядями, переливающимися на солнце. Очень светлая чистая кожа, темные брови вразлет, прямой нос и выразительные скулы — благородная холодная внешность варяжской княжны, которую неожиданно смягчали россыпь веснушек на естественном румянце щек и внимательные светло-зеленые, почти прозрачные глаза цвета лимонада Натахтари со вкусом фейхоа. Вот это да.

А во второй половине дня у Миле, как правило, ежедневная обязательная растяжка и небольшая тренировка по волейболу в спортзале, — продолжала рассказывать Снежок. — Поэтому если Константин вдруг изъявит желание ей, ну то есть Габи составить компанию, то они могут покатаь после обеда между елок вместе, провести разведку местности, так сказать, потому что ей сейчас фрирайдить не с кем, а одной немного страшновато.

Константин поймал себя на мысли, что вот с ней он, пожалуй, попробоватъ настоящий фрирайд был в общем-то не против. Габи каталась уверенно и достаточно смело для девушки, у них был похожий уровень, даже скорости почти совпадали, но, на всякий случай, сказал, что подумает. Во-первых, его одолевали определенные сомнения из-за странных отношений этих двух дев. Вдруг эта мулатка что-то там себе вообразит? И как потом со всем этим разбираться то? Ну а во-вторых, не говорить же сразу о том, что здоровье может его неприятно подвести, и он попросту ужасно устанет еще до обеда.

Габи вспомнила про его друга, ну то есть про Юру, но со спортивным, быстрым и прокаченным героем гор и его такими же мощными дружками Константин кататься вместе с Габи почему-то совсем не желал. Может, потому что не хотел на их фоне выглядеть каким-то колченогим? Хотя и знал, что он вовсе не колченогий и что Юра всегда его поддержит и поможет, а если понадобится — и на себе дотащит. Юра — хороший друг! И все-таки сейчас ему совсем не хотелось, чтобы тот, в случае непредвиденных обстоятельств, вдруг стал помогать ему перед

этой эксцентричной стильной парочкой. Как интересно, и почему это ему вдруг сейчас на все это не все равно?

В общем, — подытожила Габи, — пусть Константин подумает, потому что ей уж очень хочется покататься по настоящей тайге, но вот компания не та: их друзья — испанцы (ну, они были больше друзья Миле, так как прилетели вместе с ней из Барселоны), брат с сестрой — кататься не умели от слова совсем. Эти каталонцы вообще первый раз в жизни выбрались в горы, а, возможно, даже и видели снег, и стоять на доске еще толком не могли. Поэтому им просто наняли инструкторов и отправили на тренировочную горку для новичков. Вчера в снегопад они вообще сачканули, а сегодня на этой горке с минимальным уклоном они первый день пыхтят, пытаются понять основы катания на сноуборде, принципы перекантовки и все остальное. Но, по всей видимости, совсем скоро, они целиком переключатся на бары и клубы, ведь там все было намного понятнее, интереснее и веселее.

Так что вся ее надежда на него, и можно сказать, что ей повезло его встретить. Вот так просто и спокойно она предлагала ему покататься с ней, и он даже немного удивился этому. Потому что ему крайне редко поступали такие простые, ни к чему не обязывающие, предложения. Габи, неожиданно, искренне засмеялась, и тут уже Константин не смог не улыбнуться ей в ответ. Вот так — он уже и улыбается ей. А что же будет дальше?

Они скатились еще несколько раз с вершин уже вторым, и все было очень даже неплохо. Габи и Константин периодически даже заезжали в елки, но не прям вглубь, скорее по опушке, как вдруг, неожиданно, столкнулись с Юрой и парнями на середине горы на плато у ресторана. Ну вот и встретились, как будто они были не на горнолыжных склонах с достаточно неплохим количеством открытых на сегодня трасс, а в маленькой деревушке с одной улицей, на единственном центральном пятачке.

Константин, все еще недоумевая, как такое вообще могло произойти, всех представил друг другу, почему-то тут же отметил заинтересованный взгляд парней, особенно Дани, в сторону девушек. А Юра, конечно же, сразу вспомнил эту вчерашнюю необычную парочку из бара и тут же, по-свойски, по очереди обнял девушек в знак приветствия. За широкой спиной Миле, где-то в районе ее подмышки, он вопросительно округлил глаза и строил гримасы, удивляясь, как Константин вообще оказался с ними вместе? Но тот просто строго свел брови, да и вообще все лицо в гримасу, и чуть качнул головой. Между ними это всегда негласно означало: «Потом все расскажу, а сейчас это не повод для шуток». Без всяких объяснений, Юра, проработавший с Константином миллион лет, всегда был понятливый.

— Окей, все обсудим потом. Но имей ввиду, я просто стораю от любопытства, что за красотки такие? — и Юра заулыбался.

Пообедать они решили все вместе.

В ресторане, за большим деревянным столом, было очень тепло, парни сняли куртки, девушки стянули верх от комбинезонов. Под своим Миле была в черном. Широленные плечи, мощный, обтянутый плотным синтетическим термобельем торс, почти полное отсутствие груди. Изумительная форма черепа с крашенными, абсолютно белыми волосами. Она была мощнее всех за столом, и от этого визуально и выше всех, и казалась каким-то инопланетным арт-объектом, невесть как оказавшимся в этом стилизованном под деревянную избу ресторане. Контраст с русским бытом был просто невероятный. Ей хотелось любоваться бесконечно.

А Габи снова играла на стороне белых — Снежок верна себе. И тут же заказала себе и Миле борщ, селедку под шубой и безалкогольный глинтвейн с черной смородиной. Вот такой вот этюд в свекольных тонах, очень смелый для белого рашгарда.

Константин, у которого уже давно почти не было аппетита и который часто ел через силу, неожиданно почувствовал зверский голод и, как будто заразившись от девушек, взял, и повторил для себя их заказ — тоже заказал «шубу» и борщ.

Парни удивленно переглядывались, они вообще никак не могли опомниться от вида этой странной парочки напротив, были очень впечатлены, но расспрашивать пока не решались. По этим необычным подружкам было понятно с одного взгляда на них, что они какие-то непростые. Миле совсем не говорила по-русски, с ней даже было не интересно скабрёзно и пошленько прикалываться и подшучивать, а Габи, несмотря на свое не совсем русское имя, была самая настоящая московская девочка, из столицы, и она прекрасно разгадывала все эти мужские приколы еще на корню, могла тут же дать отпор — палец в рот не клади. Плюс Константин как-то странно к этим двум красоткам проникся за несколько часов катания с утра, и чуть ли не взял эту парочку под свою опеку, это все считывалось, и парни невероятно старались, как могли, вести себя прилично.

Все просто шутили какие-то общие, по большей части интернациональные шутки про вкусную и невкусную еду, холодец, окрошку, блины, каталку, погоду и физическую форму.

Через десять минут на столе стояло шесть огромных деревянных мисок янтарного борща, с маленькими плошками густой сметаны, кусками грубоватого бородинского хлеба, намазкой из сала с чесноком и зеленым луком. Налетай! Такой вкусноты Константин не ел сто лет. Да что же это с ним такое, неужели Юра прав, и это все горный воздух, который творит такие чудеса? Но как же так быстро он на него повлиял?

После обеда и общения за едой его, на удивление, вообще не разморило, а наоборот, он почувствовал себя полным сил и даже как будто бы бодрее, возвращаться в отель на отдых ему совсем не хотелось, ноги в ботинках почти танцевали и прям желали уже снова встать в стойку на борде. Ему вдруг нестерпимо захотелось прокатиться вне трасс по пухляку, когда доска сама держит тебя на поверхности и выдает невероятный фонтан снега позади себя, о чем он сразу же и сообщил очень тихо Юре.

Тот обрадовался и сразу же громко оповестил всех, что их ждет послеобеденный фрирайд на закате, и моментально составил план спуска. Юра отлично разбирался на месте в любых картах, он вообще отлично разбирался всегда и во всем. Просто талант. Им надо будет только забраться обратно повыше в гору.

Габи радостно хлопнула в ладоши: наконец-то ей есть с кем отправиться в лес. А Миле после обеда засобиравшись в отель, ей пора было в зал на тренировку. Она по-испански расцеловалась с парнями — с каждым по два раза в щеки, а когда прощалась с Габи, то Константин отвернулся, ему почему-то совершенно не хотелось на это смотреть.

Но Юра, который всегда за всем следил, никогда ничего не пропускал и, конечно же, тут тоже смотрел во все глаза, потом ему рассказал, что поцеловали они друг дружку только в щеки, — все было очень целомудренно, так сказать. Так что если там что-то и есть, то они пощадили их мужские чувства и фантазии, и никто в обморок не упал. Ха—ха. Действительно, что ж не посмеяться-то от такого? Ну что за весельчак и добряк, но сейчас прям очень не к месту, — про себя подумал Константин.

— Пожалуйста, не рассказывай мне больше ничего об этом, — попросил он Юру.

— Ацтааань, ну что ты вечно ерундишь. Это же тааааак интересно, чего ты. Смотри, какие они незаурядные и симпатичные, где мы еще таких встретим?! Нетрадиционные испанцы в Сибири, да кому расскажем — никто не поверит! И вообще, это ты сам их к нам притащил, так что теперь уж потерпи мои такие веселые и совершенно беззлобные шуточки, потому что так-то они мне обе очень нравятся, обижать их я не собираюсь, — и тут уже Юра в ответ, растягивая слова, закатил глаза.

На подъемнике они все вместе поднялись на вершину горы. Оттуда немного скатились в сторону и ушли левее, развернувшись спиной к трассам. Договорились о месте встречи внизу и, практически, друг за другом тронулись в сторону елок за Даней, который сегодня играл роль предводителя. Они оба с Юрой катались очень круто и быстро, а Темыч пока немного отставал: он еще не успел как следует раскататься, пропустив прошлый сезон. Про себя и свою

скорость Константин старался даже не думать, он вообще пропустил несколько лет горнолыжного отдыха.

При спуске сразу же стало понятно, что силы не равны. Константин, замыкающий их импровизированную колонну фрирайдеров, спускался медленнее, чем хотел, чтобы эти самые силы немного сбережь, а также он зачем-то приглядывал за девушкой — ну мало ли что. А Габи, которая была перед ним чуть ниже на склоне, хоть и каталась быстро и уверенно, все-таки сильнее, чем на трассах, контролировала скорость в незнакомых местах и старалась ехать витиеватой змейкой. А может быть ей просто так нравилось, чтобы успевать все разглядывать по сторонам — кто знает. Но в любом случае, немного по-женски, что тут скажешь. К тому же их сильно тормозили елки.

Мощная и быстрая тройца сразу же оторвалась от них вперед и почти скрылась из виду, превратившись в яркие точки тут и там, напоминая рождественские игрушки на заснеженных елях. Ну и ладно, сейчас Константин почему-то вообще не расстроился. Через какое-то время, понимая, что им их уже не догнать, он и Габи, не сговариваясь, как только немного выехали на край опушки из леса, тут же со смехом рухнули на склоне, чтобы немного передохнуть.

Они сидели рядышком, плечом к плечу, как заговорщики, прерывисто дышали, но, все равно, восхищенно и, даже как будто бы немного растерянно озирались по сторонам.

Вокруг них были километры, да что там километры, сотни километров бескрайнего снега, запорошенные и замерзшие белые конусы елей и дикого кедра, вокруг них была умиротворяющая, морозная тишина. Только вдалеке чуть слышно шелестела почти бесшумная тайга, но сейчас совсем не пугающая и сизо-серая, а белоснежная, кристально-чистая, сверкающая и искристая. Кузбасс — промышленный и очень суровый регион России, серый и морозный, но сейчас эти двое видели вокруг себя только абсолютную, безупречную, чистейшую красоту. Восхитительно.

Габи прикрыла глаза, прислушалась к едва различимым звукам вокруг, и вдруг неожиданно громко сказала вслух:

— А ты знаешь, что у тишины тоже есть своеобразный звук? — ее звонкий голос отрикошетил от сугробов вокруг них и пронесся легким эхом по сторонам.

Константин с удивлением покосился на нее. Надо же, оказывается, он не один так всегда думал. И кивнул.

— Я очень люблю музыку, даже умею немного играть на фортепиано, но почему-то не очень люблю слушать музыку, когда гуляю в лесу, или нахожусь в горах. Природа ведь сама по себе такая самобытная, и мне почему-то не нравится заглушать чем-то посторонним этот самодостаточный звук. Для меня и лес и горы, они как будто живые, как старые друзья, я обожаю их с детства. И иногда мне кажется, что у них есть свой собственный особенный язык, и если человек его знает и понимает, то они никогда не сделают ему плохо и всегда помогут, если что-то случится. Надо только слушать очень внимательно. Как ты думаешь, может ли так быть?

Это было достаточно интересное размышление, и Константин снова кивнул.

— Ну в целом, согласен. Кроме того, что и лес, и горы все-таки могут быть очень опасны. Нужно быть осторожным и аккуратным и не соваться туда одному, — он зачем-то взял и положил свою руку Габи на плечо и тихонько его сжал, как бы подтверждая свою мысль, что она здесь не одна, их двое и они в относительной безопасности.

Он сможет ее защитить.

А та уже доставала смартфон и делала несколько фотографий нетронутой дикой природы вокруг, и тут же в моменте щелкнула их с Константином на фоне всей этой неопишуемой совершенной красоты. Надо же: теперь у них уже есть общее селфи вместе в горах на фоне зарождающегося заката, и только у них двоих, а больше ни у кого. И уж точно ни у каких двухметровых волейболисток, почему-то подумал Константин с легким злорадством.

На фотографии он, конечно же, вышел старым и страшным, но искоса поглядывая на девушку, решил промолчать. Та долго и внимательно разглядывала фото, с улыбкой увеличивая их лица на экране, и ему почему-то показалось, что она совсем так не считает. Может, у нее плохое зрение? Надо будет при случае спросить об этом.

Он обвел взглядом снежные дали и вдруг, неожиданно, увидел рядом с ними лису. Ничего себе, а они здесь вовсе и не вдвоем, получается. И откуда это она здесь взялась, почти на трассах получается, и не боится людей? Он легонько постучал ладонью Габи по плечу, чуть шевельнул другой рукой и головой в ее сторону, стараясь не спугнуть рыжую красотку. Девушка повела взглядом за его рукой и тоже заметила пушистого зверька, тихонько ахнула и тут же счастливо засмеялась, навалившись своим телом на Константина, вытягивая шею и пытаясь из-за его спины ее повнимательнее разглядеть.

— Вот это да-а-а! Смотри, какая малышка, смешная и пушистая. Может, это лисенок? Хотя нет, скорее, все-таки лиса. Слишком уж деловая.

И снова ему показалось, что вокруг него зазвенели колокольчики и зашелестел на зимнем ветру летний цитрусовый сад. Как такое вообще возможно почувствовать в этой снежной чаще, он никак не мог понять. Да нет же, это просто невозможно, у него что-то явно не то с головой.

Искристый смех Габи снова негромким эхом отозвался вокруг. Лисица тут же наострила ушки, следила за ними своими глазками—бусинками, готовая к прыжку. Но пока не сбегала, понимала, что на нее смотрят и что это ее обсуждают, и, как будто бы, позволяла этим двоим еще немножко полюбоваться собой. Наблюдала за парочкой гостей, ведь это именно они были здесь, в ее владениях, у нее в гостях.

— В следующий раз надо будет взять с собой колбасы с завтрака, — тихо, продолжая заливаться легким смехом, сказала Габи прямо ему в ухо, чуть ли не стучаясь своим шлемом о шлем Константина.

Тот, затаив дыхание, кивнул. Он пытался вспомнить, видел ли он хоть раз в жизни живую лису в природе, где-то, кроме зоопарка. Вроде бы нет. А Габи всегда была в моменте и уже продумывала план приручения лесного жителя. И лисица, как будто слышала и поняла ее слова, повертела в разные стороны головой, — они были готовы поспорить, что она кивнула им в знак согласия: «Да-да, приходите в следующий раз в гости с едой», — цыкнула, а потом вдруг резво прыгнула куда-то в сугроб и тут же исчезла.

Константин в полном восторге и восхищении повернулся к девушке. И теперь уже они оба, не сговариваясь, глядя друг на друга, счастливо рассмеялись.

Как странно, — подумал Константин, — он вроде бы уже давно не мальчик, и столько всего в жизни повидал и пережил, но никак не мог в очередной раз не удивиться сейчас, как жизнь может быть так непредсказуема. Еще вчера он был страшно всем недоволен, очень сердит, и ничему не рад, все его раздражало, а сейчас, в моменте, он сидит здесь с этой разноцветной, веснушчатой москвичкой на вершине горы, где-то посредине их родной и любимой, одной на двоих огромной страны, да что там страны — целого мира. И смеется, и фотографируется с этой румяной, прелестной девицей, о существовании которой совершенно не подозревал еще двадцать четыре часа назад. И, что самое странное, ему сейчас необычайно хорошо, и все это ему очень нравится, он чувствует себя молодым, полным сил и абсолютно здоровым.

Так не бывает. Или все-таки бывает?

Он никак не мог определиться: приятное присутствие этой молодой женщины с необычными, прозрачными глазами почему-то все время сбивало его с толку.

Горы, как место действия и встречи, неожиданно уравнивали их возраст и социальный статус. Ведь на заснеженных вершинах, в многослойных доспехах и закрытых забралах, в горнолыжных перчатках, сноубордических ботинках, в шлемах с зеркальными масками, не оставляющих открытыми ни одного сантиметра кожи, и со ски-пассажами в карманах, на какое-то время все становятся равны. Различается только уровень катания.

Симпатичная, смышленная и смешливая Габриэла ничего о нем не знала, как, впрочем, и он о ней, была внешне намного его моложе, но он чувствовал ее пытливый ум, доброжелательность и даже как будто бы какую-то искреннюю заинтересованность на свой счет. Он давно не припоминал в своей жизни такого бескорыстного отношения, и для него оказалось полной неожиданностью встретить это здесь. Ему это было по-человечески, да что там говорить, и по-мужски, очень приятно.

Казалось, что Габи не замечает недостатков в его внешности, нескладного роста, помноженного на чрезмерную худобу и бледность, а просто видит в нем приятного, умного собеседника, с которым можно остроумно пошутить и добродушно посмеяться, и отличного райдера, с которым можно неплохо прокатиться между елок. Она совсем не старалась с ним кокетничать или строить из себя капризную девицу, и он чувствовал, что ей просто было с ним весело и интересно. Здесь, в центральной Сибири, в центре ледяной тайги, в белоснежном и пухлом снегу, они очень неплохо играли на равных, и он по-мужски разгадал ее и уже понимал, что может на нее положиться, что бы ни случилось в горах, а ведь случиться здесь могло все, что угодно, и его, неожиданно возникший к ней искренний интерес, был взаимный.

И Константин вдруг даже, как будто бы, немножко застенялся своих странных и неожиданных эмоций — всего того хорошего, что расплывалось и таяло сейчас у него внутри. И вот этого он уж совсем точно от себя не ожидал.

Он поднялся на ноги, точнее на сноуборд, и протянул девушке руку (первый раз за время их знакомства), а когда та поднялась, вдруг взял и отряхнул ее сзади от снега. Ничего не означающий порыв, они оба были в горнолыжных перчатках, но тем не менее, в этом был какой-то элемент давно забытой им заботы. «Интересно, а видит ли она во мне мужчину, или ее этот аспект отношений противоположных полов совершенно не волнует? Вот бы это узнать как-нибудь», — зачем-то ни с того ни с сего подумал Константин.

— Здесь хорошо, но нам пора, — он натянул маску на глаза и подтолкнул Габи чуть правее, где уходящий вниз склон был с уклоном покруче.

— Я поеду вперед, так лучше, там внизу может быть вода. Ты за мной, хорошо? Не отставай, но я буду поглядывать назад.

И она, в знак согласия, кивнула ему своим сапфировым забралом.

Спускаться они уже сознательно старались помедленнее, петляя между елями в чаще, и любуясь красотами вокруг, перекиваясь и смеясь. Потом вынырнули на плоскоч, но мягкий, рассыпчатый снег позволял даже им — сноубордистам не снижать здесь скорость и выкатывать по плато до самого подъемника. Поднимался ветер, сначала слабый, умеренный, но, через некоторое время, резко меняющий силу, как это часто бывает в горах. Невероятной красоты закат вступал в свои законные права. Тяжелые, сизо-розовые, дымчатые облака налетели стаей и начинали низко нависать над белыми конусами елей, создавая купол. Они притормозили.

— Обалдеть, как красиво! Габи, а ты можешь сделать фото и потом мне переслать? Я был бы тебе очень признателен.

Константин, побывавший во многих городах и странах мира, не встречал нигде такого фантастического неба.

Но той и не требовалась такая просьба: она уже настраивала кадр. Правда, нужно было действовать побыстрее. Не успела Габи стянуть перчатку, как ее пальцы тут же заледенели, и ей пришлось согреть их своим дыханием. Холодало...

Парни ждали их внизу, у подъемника, уже успев выпить почти весь Егермейстер из очередной зеленой бутылки, которую они, как обычно, взяли с собой с утра, его осталось на пару пальцев на доньшке. Задрав головы, они тоже наблюдали за потрясающей красоты небом. Все были уже слегка навеселе, румяные и веселые, и поприветствовали отстающую парочку гоголом и беззлобным улюлюканьем.

Константин ухмылялся и тоже сделал пару глотков терпкого травяного эликсира, который моментально разлился внутри его тела, проникая в самые кончики пальцев на руках и ногах, и согревая их. Протянул бутылку Габи, но та отказалась. Она не любила напитки, похожие на микстуры, и почти никогда их не пила.

— А мы зато видели лису — рыжую, мелкую и с пушистым хвостом больше себя! А вы — нет! — Габи была в таком восторге, что никакой гогот и хохот парней не могли испортить ей настроение; она действительно своим свободным и добродушным характером могла противостоять им всем.

Константин уже давно уловил это в ней и считал это прекрасным качеством. Габи была всегда на своей волне и верна себе.

И, отстояв небольшую очередь, они все-таки успели на закрывающийся подъемник и поползли наверх, чтобы с другой стороны горы спуститься напрямик к ним в поселок. На вершине горы к вечеру уже было сильно холоднее, и ветер еще больше усилился. Им в спины летела поднимаемая со склонов поземка снега — подталкивала их к спуску. Погода менялась, и завтрашний день по прогнозам обещал быть уже не таким спокойным, безветренным и безмятежным.

Ну что же, ничего с этим не поделаешь. Горы — это природа во всей своей абсолютной силе и мощи, и здесь всегда есть определенная непредсказуемость.

Вот это денек, а ведь я уже почти собрался улететь отсюда, — вдруг подумал Константин. Рядом с ним, в пестром, зелено-розово-голубом комбинезоне и фисташковом шлеме, подхватив подмышку борд, уверенно по наполовину расчищенной дороге шагала та, которая неожиданно удивительным образом растормошила его и, странным образом, привнесла в его жизнь то, что он очень давно начал забывать: радость, искренний смех и своеобразный кураж.

Он встретил красоту в самом настоящем своем проявлении — девушку с лицом ангела.

Совсем стемнело, когда они дошли с Габи до ее отеля. Оказалось, что они все жили на одной улице, только в разных ее концах, и отель девушек был ближе к склонам, недалеко от самого подножья горы центрального сектора. На прощание та по очереди обняла парней, а когда дошла очередь до Константина, он не удержался, крепко обнял ее и даже слегка чмокнул в щеку. Он решился это сделать на правах человека, с которым у нее вообще-то уже есть совместное селфи, и надо будет потом попросить ее скинуть ему и это фото тоже. Габи подняла на него ласковый взгляд своих удивительно прозрачных бледно-зеленых глаз, улыбнулась, но ничего не сказала и не коснулась в ответ его щеки. Жаль, но еще ведь не вечер, правда же? И что это за мысли такие бродят у него в голове??

А после они все, перебивая друг друга, вдруг тут же договорились встретиться после ужина во вчерашнем баре, выпить по кружечке пива или чего-то более крепкого и обсудить сегодняшний просто невероятный день! Заметано!

Поздно вечером в баре было все также весело и шумно, как и вчера, но, тем не менее, все было уже совсем по-другому. И Константин после душа, благоухающий и причесанный, в новом кашемировом свитере, чувствовал себя уже совсем не таким несчастным, как вчера. Сегодня он съел вкусный обед и не менее вкусный ужин, замечательно провел день на склонах в такой необычной и симпатичной компании и планировал в этой же приятной компании завершить этот прекрасный вечер и, в довершение, выпить чудесный напиток цвета глаз его новой знакомой. А может быть, и что-то еще покрепче. Вот так.

Мужской компанией они расположились на вчерашнем диване за небольшим столом, через десять минут заставленным бутылками с лимонадом, кружками с пивом, коктейлями из Ягера, который они принесли с собой, со спрайтом и куба-либре.

Испанцы, миловидный и ухоженный паренек (ну естественно, такие очень любят дружить домами, так сказать), и симпатичная кудрявая девушка, его сестра, а также Миле и Габи пришли чуть позже. Габи тут же раздобыла еще два стула, в этом она была абсолютный профи.

Даня, вдруг после пары бутылок пива перешедший на коктейли, начал настаивать, чтобы девушки сели комфортно на диван, и все тянул их туда. Но неожиданно Миле, обняв его и вежливо отстранив своим корпусом, усадила на этот самый диван его самого, а вдобавок — и своих испанских друзей, брата и сестру, которые очень плохо говорили даже по-английски.

И совершенно на этот диван наплевала в плане собственного комфорта, и это было так круто на самом деле, что парни немного прифигели, когда она вдруг взяла и раскидала перед ним огромное количество салфеток и села на них, облокотившись о диван, на пол. Вытянула вперед свои длинные роскошные ноги, а Габи в своих темно—синих кожаных леггинсах, голубой воздушной оверсайз—рубашке с кружевами, и лакированных берцах Dr. Martens (запредельно—очаровательное сочетание нежного с грубым) запросто уселась рядом с ней потурецки. И Миле весело приобняла ее своими бесконечными руками, и они стали засыпать друг друга шутками, демонстрируя всем абсолютно искреннюю дружбу. И все это у них произошло так естественно и с каким-то абсолютно невероятным искристым смехом, придававшим им обоем какое-то особое очарование.

— А что, так можно было? — спрашивал Юра с удивлением и одновременно с нескрываемым восхищением в голосе.

Наверное, ему еще многому предстояло поучиться в этой жизни.

Оказывается, возраст, опыт и даже деньги — это не всегда про самое интересное. Есть кое-что еще.

Константин внимательно и даже как будто бы немного сбивая свое дыхание старался незаметно наблюдать за этой компанией, но получалось так себе: потому что, если бы кто-то к нему пригляделся, то сразу же заметил бы, что смотрел он на них во все глаза. Почему-то ему хотелось составить какое-то свое собственное личное мнение на их счет.

Никогда и ни у кого он не встречал такой абсолютной внутренней свободы, желания выглядеть так, как тебе хочется, и делать только то, что тебе нравится, не смотреть по сторонам, не обращать внимание на чужое мнение и быть счастливыми в моменте. Чувствовалось, что этим двоим интересно и хорошо вместе. Их отношения строились на самом правильном, понятном каждому языке: на дружбе, уважении, поддержке и искренней симпатии, без какого-либо скрытого подтекста. На людях они держались максимально естественно и даже немного стеснительно, совершенно не выставляя чувства напоказ.

Со стороны они выглядели как два полярно-красивых, робких старшеклассника, паренек и девчушка — очень стильные, очень симпатичные, очень обаятельные и при этом совершенно разные. Люди из разных миров, которые вдруг встретились и выбрали друг друга.

Константину сначала показалось, что Габи не носит никаких украшений, а потом он понял, что ошибся. На запястье у нее висели очень красивые часы с циферблатом цвета индиго и бриллиантками вместо цифр. Он знал эту коллекцию и их цену, — он дарил своей дочери похожие. А когда она забирала свои гладкие волосы за уши, то в них, проколотых в нескольких местах, сверкали самые настоящие природные бриллианты, насколько он в этом разбирался, на вид почти по полкарата каждый. В духе шикарной норковой шубы — это очень впечатляло. А ошибся он потому, что на склоны Габи никогда не надевала ни часы, ни все это многокаратное безумие. Интересно, это подарок от звезды волейбола или нет? Да и почему ему вообще это интересно?

Браслеты, цепочки и кольца она действительно не носила, зато все это в этой паре с лихвой восполняла Миле. Огромное количество цепей на шее, колец, штук по пять браслетов на каждом запястье — от дорогуших бриллиантовых известных брендов до простых кожаных фенечек, — серьги в ушах и в носу. На ком-то другом это все смотрелось бы как цыганщина и безумный китч, но только не на почти двухметровой Миле. Все ее открытые части тела, насколько он мог видеть, были в татуировках: руки, шея, за ушами, даже на лице бледными чернилами в районе висков были выбиты какие-то латинские символы и кресты. Что-то неве-

роятное, абсолютно не славянское, с отсылками к каким-то африканским или индейским племенам, но на ней все это смотрелось максимально органично и, сливаясь с ее оливковой кожей, придавало ей какой-то особый расслабленный шарм.

И когда они прощались поздно вечером, Миле обняла его и со своим невероятным акцентом умудрилась сказать на смеси испанского и русского:

— Буэнос ночес, Коста, отличный был день.

И он, взаимно обнимая ее мощную спину, был с ней абсолютно солидарен.

Он чувствовал, что его что-то зацепило, никак не мог понять, что именно, терялся в догадках, недоумевал и мысленно постоянно возвращался к этой странной парочке, к образу этих двух девушек. Пытался себе что-то представить, хотя сам толком не понимал, что именно.

Два тела, одно — крепкое, ладное, очень стройное, с высокой грудью, красиво обтянутой спортивным рашгардом, с матовой белой кожей, второе — почти двухметровое, оливковое, загорелое, с рельефными мышцами. Длинные прямые темно-рыжие волосы и короткий, кудрявый блондинистый ежик. Негатив и позитив. И дальше в фантазиях Константина все скачивалось в какую-то откровенно дикую пошлятину, ну, чисто мужской подход. Об этом всем уже давно сняли огромное количество фильмов, но он просто никак не мог нормально об этом думать, представляя конкретно этих двух.

Ему, как будто бы где-то глубоко внутри, вдруг становилось немножко тоскливо, и сердце почему-то начинало щемить. И поэтому никак в его голове не укладывалось, что между этими двумя происходит на самом деле: как они познакомились и, если они вместе, то как долго и надолго ли? И трудно ли любить человека на расстоянии, в разных странах? А если в разных городах, то это проще или нет? Или это все-таки никакая не любовь, а что-то другое? Что их вообще связывает, этих двух необычных женщин, на самом деле?

И, засыпая с этими странными и какими-то совершенно неожиданными для себя мыслями в своем шикарном, пустом номере и в огромной постели, в которой он вдруг определенно захотел оказаться не один (надо же, как был прав Юра в своих искрометных, ироничных комментариях), Константин впервые за последние два года забыл принять таблетки.

День четвертый. Этот понедельник мы проведем с тобой только вдвоем

На завтраке в самом дорогом отеле поселка, отеле «Горный», в котором, как мы уже знаем, остановились Константин, Юра и двое их друзей, Данил и Артем (симпатичный юрист в олдскульных очках, который, недавно съездив в командировку в Ростов, познакомился там с такой же близорукой девицей и теперь днями и ночами с ней переписывался, и все его мысли серьезно были заняты новой знакомой), подавали игристое и красную икру. Неудивительно, ведь за те деньги, сколько стоила здесь ночь, можно было подогнать к ресторану целый грузовик брюты.

Намазывая сливочное масло на свежее испеченную хрустящую булку хлеба и соорудив трехъярусные бутерброды с икрой (это нужно для восстановления сил всем, кто покоряет горные вершины, настаивал Юра), парни весело и, совсем не стесняясь в выражениях между собой, беззлобно ржали и, как сплетники на лавке около подъезда, обсуждали в полголоса вчерашнюю необычную компанию. Что уж греха таить то, все были под впечатлением.

Даня и Темыч поглядывали на Константина. Они давно знали: тот в принципе не любил пошлых шуток, да и вообще — это странно, но он вон вчера задержался с этой бледнолицей брюнеткой на горе, кто знает, может они вообще уже скорешились? Лучше попридержать искрометные шуточки до поры до времени.

Но тот, тщательно выбритый и пахнущий шикарным лосьоном после бритья (и это на горнолыжном-то отдыхе, где мужчины вообще не бреются и обрастают бородой, как Йети) в разговоре особо не участвовал, безучастно жевал омлет с томатом и беконом и рассеянно смотрел попеременно то в окно, то на пузырьки в бокале игристого Юры. И продолжал раздумывать со вчерашнего дня: вот тут пузырьки, и в лимонаде со вкусом фейхоа тоже пузырьки, а какие разные напитки! Такие же разные, как и его новые знакомые — испанская волейболистка и зеленоглазая москвичка, просто огонь и вода, соль и карамель.

Правда, сегодня мысли пойти вглубь поселка и замерзнуть на его окраине у него уже не возникло, он чувствовал себя отдохнувшим, практически здоровым, второй день его вообще не тошнило, неожиданно появился аппетит, и даже бледные впалые щеки с утра в зеркале как будто бы немножко округлились и зарумянились, надо же, неплохо, однако, на него горы влияют. Или дело не только в горном воздухе?

Парни продолжали болтать и сошлись во мнении, что нужно посмотреть по ситуации, пока все с этими двумя было не очень понятно, но это все в любом случае очень увлекательно и интересно, и почему бы им не продолжить общение.

А Константин в это время уже мысленно был одной ногой на горе. Интересно, увидится ли он сегодня со своими новыми знакомыми? Не то, чтобы он сильно горел желанием, но... было бы очень неплохо. Он поймал себя на мысли, что кататься с Габи ему вчера неожиданно было намного приятнее и интереснее, чем с Юрой и парнями. Те были слишком нацелены на скорость и быстрый спуск, и Константин был уверен, что они почти не смотрят по сторонам. Он и сам раньше всегда так делал, катаясь вместе с ними. Он, в принципе, никогда без них и не катался раньше: его умершая жена в свое время не особо разделяла его увлечения горнолыжным спортом.

Но с Габи все было по-другому. Она отлично и смело каталась, не тушевалась, как он мог уже заметить, но немного притормаживала его, и в этом была своеобразная прелесть: он успевал разглядеть все богатство и красоту безупречной, невероятной природы вокруг них и насладиться ей. Ее искристый смех до сих пор стоял у него в ушах, и он вдруг очень захотел услышать его вживую. Интересно, эти двое уже на склоне? Или две? Или как вообще правильно говорить об этих незаурядных спортсменках в третьем лице?

А этих двух ничего уже не могло сбить с панталыку: раз приехали кататься, и погода, как-никак, пока еще позволяет, — значит, идем кататься. Ни нарастающий холод, ни порывистый ветер, особенно усиливающийся на открытых креселках, поднимающих катальщики вверх, а на склонах сильно тормозящий скорость, ни надвигающийся, по прогнозам синоптиков, снегопад не могли их уже остановить. Ровно в девять утра Камилле и Габриэла, в полном обмундировании, подхватив лыжи и сноуборд, уверенно шагали к подъемнику. Римский двухметровый легионер в черном и рядом подвижный, веселый, разноцветный и, по всему виду, как будто бы легкомысленный и несерьезный Арлекин.

Но это было очень обманчивое видение, даже абсолютное заблуждение. Не являясь профессиональной спортсменкой, Габи, тем не менее, играла далеко не последнюю скрипку в этом (тут Константин оказался прав) по-настоящему спортивном тандеме. Она, будучи не фанатичным, но тем не менее адептом здорового образа жизни, была сторонником режима, легко бегала по десять километров в парке в выходные и практически профессионально занималась йогой. Габи всегда была очень ментально собрана, уверенно стояла на ногах, была финансово независимой и очень практичной.

Когда Габи была совсем ребенком, ее родители и старший брат погибли в автокатастрофе в Благовещенске, где ее отец, переводчик генконсульства, находился в трехмесячной командировке, и семья поехала на каникулах его навестить. Габи тогда сильно простудилась, ее оставили с бабушкой в Москве, и, как оказалось, тем самым спасли ей жизнь.

Она вообще не помнила маму и папу, не говоря уже о братике, и как-то даже особо не печалилась и по ним не скучала, только иногда, держа их общие старые фотографии в руках, видела невероятное сходство — свои, папины и братика прямой нос и брови вразлет, и маминны высокие скулы, и прозрачные глаза. От этого у нее всегда чуть замирало сердце и начинало першить в носу, точнее — из-за того, что она никогда больше не сможет до них дотронуться и совсем не помнит их запах. Но она никогда не плакала. Она просто до конца не знала и не понимала, что это такое — иметь полноценную семью.

Габи воспитала бабушка, папина мама — моложавая подвижная женщина, работавшая, не покладая рук, и вложившая в единственную внучку, как в свое продолжение, все те самые лучшие и благородные чувства и качества, которыми обладала она сама.

За помощью в воспитании маленького ребенка, бабушка на время переехала к родственникам в Казань, и почти пять лет они прожили в этом прекрасном, солнечном городе на берегу реки. А когда девочке исполнилось восемь лет и она пошла во второй класс, бабушка перешла на новую работу, и они вернулись в столицу. И Габи, абсолютно не помнившая этот город из своего далекого детства, окончательно и бесповоротно тут же в него влюбилась. Это был ее город, который жизнь отобрала у нее на несколько лет. Город, который она просто обожала, и твердо решила для себя, что ни при каких обстоятельствах больше никогда отсюда никуда не уедет и его не бросит. Ах, милая Габи, и ведь кому, как не тебе знать, как жизнь может быть непредсказуема, и как все может измениться в один момент...

В детстве Габи играла в теннис, училась игре на фортепиано, а по воскресеньям ходила в церковную школу. Это был интересный опыт, о котором она с удовольствием вспоминала и, ничуть этого не стесняясь, рассказывала всем своим друзьям и новым знакомым. В теннис спортивная Габи в итоге научилась играть очень хорошо, а с фортепиано особо не срослось: ей не хватало усидчивости, но она разучилась играть простые мелодии и достаточно хорошо читала ноты с листа. И когда у нее появилась большая квартира, то в память о бабушке, она сразу же купила туда очень дорогое цифровое пианино Kawai, и иногда летними ночами, распахнув окна и сидя в наушниках, подбирала какую-нибудь мелодию, так она вспоминала.

Бабушка умерла, когда Габи было почти двадцать два, она как раз заканчивала университет. Она была слишком молода, вся в любви, в отношениях, и бабушкину смерть до конца не осознала тогда в моменте (да, так тоже бывает). А когда осознала, то ей показалось, что весь

этот взрослый, тяжелый мир рухнул ей на плечи, и первый раз, после очень долгого перерыва, она неожиданно пошла в храм, тупо смотрела на иконы и горящие свечи, и ей действительно стало немного легче.

Через полгода после бабушкиной смерти Габи вступила в наследство и получила две небольшие квартиры в Москве, дачный участок в пять соток со старым домом под Казанью, а также банковский вклад на ее имя. Вклад был не маленьким, тут она даже немного недоумевала: она как-то никогда не думала, что у их семьи есть такая заначка, ведь бабушка никогда не разбрасывалась деньгами. Габи погоревала, а когда отгоревала, то собралась, не растерялась, и ее аналитический ум, хорошее образование и большое количество школьных и университетских друзей помогли ей распорядиться наследством максимально выгодно для себя. Она наняла знакомого риелтора, продала участок со старой дачей и одну квартиру, добавила денег со вклада, и как итог, теперь жила в просторной квартире в Центральном округе столицы, с паркингом и фитнес-центром в соседнем подъезде, в которой, правда, ей все недосуг было доделать ремонт и докупить мебель, а оставшуюся однокомнатную квартирку она успешно сдавала, эти деньги откладывала, инвестировала, и подумывала на них прикупить небольшой участок в Подмоскowie, чтобы выбираться туда на шашлыки и прогулки в лесу. Габи очень любила природу, животных и, помимо гор, просто обожала лес и обожала собирать грибы.

После университета Габи почти пять лет проработала в финансах в крупной банковской конторе, потом ей предложили перейти в аналитический отдел, где она строила свою карьеру еще почти четыре года, составляя бесконечные запросы и техзадания, научилась работать в стрессовых и форс—мажорных ситуациях и даже прошла курсы программирования для начинающих. Она очень хорошо зарабатывала, но потом вдруг ввиду определенных событий в ее жизни плюнула на все это финансово-аналитическое сообщество, уволилась и ушла во фриланс писать на заказ слоганы, рекламные статьи и даже небольшие эссе.

И тут уже ей неожиданно очень пригодилась ее врожденная грамотность, а сложный русский язык сослужил ей во всем этом определенную помощь. Габи оказалась как раз из тех самых, кого на просторах интернета мемно и иронично называют «граммар—наци»: совершенно не заучивая правила, она всегда, с рождения писала без ошибок. Она мастерски, многосложно и витиевато формулировала названия, кликбейты и лозунги, писала аннотации, и это все у нее получалось очень даже неплохо. А так как она еще и не особо то нуждалась в деньгах, то спокойно могла выбирать темы для статей по своему усмотрению, как самый настоящий вольный художник.

Она гоняла по столице на ярко-красном Mercedes-Benz, очень любила готовить по настроению, ни в чем себе не отказывала, но и не была транжирой. Любила путешествовать, ходить в гости (между прочим, как и все турки, а ее дедушка по папиной линии был самым, что ни на есть, настоящим турком, в свое время, работавшим строителем в суровой и холодной России и влюбившимся в ее русскую бабушку), дарить подарки своим друзьям и привозить им из поездок разные съедобные сувениры, необычные специалитеты или конфеты. Не важно, дорогие или нет.

Когда они познакомились с Миле, несколько месяцев назад на яхте где-то посередине Средиземного моря, и куда она попросту трусливо сбежала от своего внезапно свалившегося на нее горя, Габи проживала далеко не лучший период в своей жизни: была морально разбита и опустошена, сидела на успокоительных и никак не могла взять себя в руки. Миле, абсолютно не зная русского языка, вдруг, каким-то совершенно случайным образом, подобрала к ней правильный ключик, снова вдохнула в нее желание жизни и в итоге, через какое-то время, получила для себя ту самую яркую и цветущую Габи, которой та была еще несколько месяцев назад. Она без всяких лекарственных эликсиров и медикаментов неожиданно излечила ее.

За то, что она снова могла снова нормально жить без таблеток, наслаждаться красотой вокруг и чувствовать эмоции, Габи практически боготворила свою европейскую подругу, а

вовсе не за ее профессиональный статус, известность и финансовые последствия ее многочисленных побед, как это могло кому-то показаться со стороны. Для нее это был такой первый своеобразный опыт отношений, о которых она вообще бы никогда не подумала еще даже год назад, и в которые даже поначалу не верила, но все вдруг оказалось для нее достаточно серьезно.

При каждом удобном случае, она прилетала к Миле в Барселону, ей было проще, так как она не зависела ни от кого, и могла писать заметки и рецензии удаленно из любой точки мира, где есть интернет. Миле всегда встречала ее в аэропорту, они распаковывали чемодан, готовили завтраки, ужинали в небольших ресторанчиках, ходили по магазинам, выбирали эскизы для бесконечных тату, иногда ходили танцевать и даже играли на пляже в волейбол, где Миле всегда поддавалась. После ужинов они частенько гуляли по старинным кварталам старого города, покупали сувенирчики, браслетики, иногда пробовали местное вино. И Габи, неожиданно для себя, ощущала искреннюю поддержку, заботу и сильную дружескую привязанность, а когда Миле обнимала ее по-дружески, сердце Габи наполнялось неожиданно захлестывавшими ее теплыми и непривычными чувствами. Она чувствовала себя счастливой и свободной.

А потом она вдруг оказывалась на матче на стадионе, вокруг орали и гудели люди, они все болели за ее подругу Миле, которая была очень популярна у себя на родине и имела огромное количество поклонников. Габи иногда читала комментарии к записям матчей в соцсетях, бесконечные признания в любви от фанатов, и отказывалась верить и принимать масштаб этой славы. И если бы Габи была хоть чуточку собственницей, ей, как лучшей подруге, пришлось бы тяжело делить это внимание с толпой. Но она всегда доверяла Миле, для которой, казалось, все эти восторги фанатов вообще не имели никакого значения.

Поклонники поклонниками, она с удовольствием фотографировалась с ними после матчей и подписывала футболки, но как только раздавался свисток арбитра перед началом игры, то появлялась уже совершенно другая Миле, жесткая, волевая, со стальным стержнем нацеленная на победу. Она в ту же секунду становилась максимально сконцентрированной на мяче и команде, и как будто бы отключала весь этот шум трибун вокруг, только иногда после победного розыгрыша, поворачивалась лицом туда, где, она знала, сидела и смотрела на нее Габи, которая улыбалась ей, и Миле улыбалась ей в ответ.

А если ее команда проигрывала, то после матчей, Габи всегда умела найти какие-то правильные успокаивающие слова, и самооценка Миле, и ее вера в себя и в будущие победы ни разу не покинули ее и даже не поддались сомнениям. Спорт — это игра, и в нем нужно уметь не только выигрывать, но и справляться с поражениями. Миле ценила Габи, не только как личность, как равного по духу партнера, и настоящую умницу, но и как женщину очень необычной красоты. Она никогда и ни у кого не встречала такой матовой гладкой кожи и бледно—зеленых, внимательных, кошачьих глаз.

Они встретились с парнями на середине очередного спуска у ресторанчика, в котором вчера очень вкусно пообедали. Те троем, кроме Константина, который обычно до вечера стойко держал противоалкогольную оборону, да и вечерами не особо накидывался, совсем расслабились, и после нескольких бутылок игристого за завтраком и нескольких порций Егермейстера, как обычно, захваченного с собой на склоны, оказались ну совсем не в форме, и кое-как на одном энтузиазме тянули до обеда. Сегодня в ресторане они заказали местную рекомендацию — наваристый бограч, он же классический суп-гуляш, огромные куски говядины и картошки в котором просто таяли во рту.

Белый спортивный рашгарт Габи в очередной раз стойко выдержал натиск жирного супца. Константину, который к первым блюдам всегда относился спокойно, даже немного равнодушно, вдруг понравился этот своеобразный ритуал, он им даже как-то проникся. Одинако-

вый заказ горячей наваристой похлебки по-своему сближал их такую необычную, и очень даже разношерстную компанию.

Может, надо дать задание повару у себя дома в Краснодаре, пусть каждый день готовит ему разные супы? От этой мысли ему стало даже как-то немного смешно, а почему бы и да? Иначе зачем ему вообще нужен был повар, которого он никогда особо не напрягал и который обычно творил на кухне что-то европеизированное на свой вкус? И может, поэтому у Константина и не было нормального аппетита дома? А здесь он вдруг снова начал ощущать богатый и разнообразный вкус еды? Ну вот пусть теперь повар и поработает над такой, с виду простой, но на вкус достаточно сложносочиненной и восхитительной кухней.

После сытного и жирного супа и очередной порции терпкого огненного глнтвейна Юру и ребят совсем разморило, и они, неожиданно заклевав носами, засобирались в отель на послеобеденный, точнее послеигристый отдых и сон. Миле тоже было пора собираться, только не на сон, а на тренировку, вот это настоящий спортивный стержень. А Константин и Габи, отправив их всех по номерам и по делам, чуть ли не стучаясь лбами, остались сидеть за опустевшим деревянным столом и изучать карту склонов, куда бы им сегодня двинуть после обеда.

Юра поначалу, пока еще не ушел, старался как мог подсказывать им маршрут, но сегодня толку от него было совсем мало. По всему его виду, ему уж точно пора было вздремнуть. И Константин подозревал, что он явно выпил уже не только игристое за завтраком и глнтвейн после обеда, но и вообще все содержимое своего рюкзака, накидался по самые уши.

А Габи, желая воспользоваться одним из последних не суперхолодных дней по прогнозу, была решительно настроена докатать сегодня до закрытия подъемников, и ее юношеский задор и боевой дух передались и Константину. Он тоже был готов.

Они распрощались с ребятами и Миле (сегодня Константин не стал отворачиваться, и, действительно, все оказалось очень прилично, даже скучновато, и он неслышно для всех выдохнул с облегчением), и вдвоем съехали ниже до центрального подъемника, чтобы на нем, пока тот был еще не закрыт, подняться на самый верх горы Зеленая. Подъемник был открытым, и на нем выяснилось, что в лицо им уже с нескрываемой силой хлестал ледяной ветер. Странно, что он вообще работал. Они натянули повыше на носы, под самые маски, свои флисовые баффы, но снимать перчатки все-таки не стоило: пальцы рук тут же превратились в ледышки.

— Сожми руки в кулаки, так пальцы быстрее согреются, — посоветовала Габи.

Она, как истинный солдат, а может, это просто присутствие не очень пока ей знакомого Константина так на нее действовало, старалась не ныть и держалась довольно-таки стойко.

И правда, помогло. На вершине похолодало еще сильнее, ветер разгонял снег. Ну и что же будет завтра? Народу недалеко от них было всего несколько человек.

Габи стояла прямо в стойке, и смотрела по сторонам — красотища-то какая! Порывы ветра гудели, поднимая вверх вихри снежного покрова, закручивая их в маленькие смерчи вокруг нее. На фоне холодного, бледно-голубого, почти прозрачного неба и белого снега ее разноцветный комбинезон и салатовый шлем выглядели как какой-то невероятный прекрасный цветок, непонятно как пробившийся к небу здесь, посередине горы. Константин искренне залюбовался ей, и вдруг ему захотелось кое-что сделать именно сейчас, пока они здесь вдвоем, не спустились с вершины и никого из их друзей рядом с ними нет. Он отстегнул борд, подошел к девушке со словами:

— Погоди, Габи, смотри, как можно! Взлетай!

И подхватил ее на руки и закружил девушку вокруг себя, как на карусели, превращая свое и ее тела тоже в маленький смерч. Это было так ребячливо и беспечно, и настолько к месту, что она, конечно же, не возражала и, чтобы не задеть его кантом своей доски, согнула ноги в коленях, высоко над головой подняла руки и закричала:

— Я лечууу, Коооостяаяя, как же здооооровооооо!

Ее звонкий, радостный голос эхом хлынул по сторонам, ветер разнес его с вершины, и, если бы горы были чуть выше, то он, возможно, даже снес бы вниз небольшую лавину. На них обернулись несколько человек, но Габи было все равно.

— И как ты ловко это придумал! Спасибо, клаааассс, — настоящая карусель! — только и смогла вымолвить она, когда Константин аккуратно поставил ее обратно на снег.

Тот смотрел с хитрецей и ласково улыбался ей одними своими темно-серыми глазищами. Он угадал ее реакцию и был этому рад.

Тем не менее, стужа начинала входить в свои права и очень торопилась пробираться сквозь мембраны и защиту их горнолыжной одежды. Солнце очень скоро начнет уже по-настоящему садиться, и тогда им будет совсем несдобровать. Стоять на месте было совсем нельзя, пора было спускаться. Константин ногами защелкнул крепления своего сноуборда, а Габи снова встала в стойку, слегка согнув ноги в коленях, и рукой показала направление. Он кивнул ей в ответ, натягивая маску и застегивая обшлага рукавов куртки на перчатках, и девушка подпрыгнула на месте, разворачивая себя в стойку гуфи. Они стартовали, уходя вниз вне трассы.

Спуск по пухляку — это, во-первых, всегда очень красиво, с этим в горах не сравнится ничто; а во-вторых, если делать это самостоятельно, без специально обученного гида-инструктора, то в некоторых местах, не зная склонов, относительно опасно. Можно легко упасть, разбиться, наскочив на камень, валун или дерево, выросшее не в том месте прямо на вашем пути, или, что еще неприятнее, рухнуть в ручей. Нужно всегда заранее изучать маршрут и местность, быть осторожным и смотреть вперед очень внимательно.

Габи и Константин шли практически параллельно. Очень быстро на скорости они проскочили нежный пухляк, поднимая за собой невероятные фонтаны искристого снега. Это самое правильное и щемящее душу катание, практически наощупь, когда сноуборд — твое продолжение и все между вами происходит только на доверии. И ловко вошли в еловый бор. Солнце катилось за вершины стремительно, как и всегда в горах.

Только не в елку, только не в елку, вдруг подумал Константин, и краем глаза в ту же секунду увидел, что Габи в эту самую пресловутую елку уже въехала. Скорость у нее была в бору совсем небольшая, она просто зацепилась кантом, обняла ветку елки и тут же ухнула носом в сугроб. Снежок застрял в снегу, вот такая тавтология. Правда, не очень смешная, все, кто когда-либо катался по пухляку, знают, что падать там все-таки лучше не стоит.

Воздушный сугроб держит тебя на поверхности на скорости, а как только ты ее теряешь, тут же можешь провалиться в него по пояс. И вытянуть себя самому из снежного плена сил уже не остается, нужна будет помощь.

Константин резко затормозил, но не упал, ухватившись руками за ветку дикого кедра, посмотрел назад и попытался оценить ситуацию. Габи увязла прочно, сидела почти по грудь в мягком снегу и смеялась, сноуборда так вообще не видно, он был под завалами на дне сугроба. А она сидит и ржет, ну ей-богу, балда.

Надо было ей как-то пытаться выбраться, но без его помощи сделать это самой будет трудновато. Она даже не могла никак перевернуться, пытаясь опереться на локти или ладони, тут же проваливалась в мягкий снег и просто теряла силы. И никак не могла подтянуть к себе ноги, чтобы вытащить из-под снега борд, который сейчас ей очень мешал, держал больше половины ее тела в снежном плену; его нужно было изловчиться, но как-нибудь отстегнуть.

Все-таки ей нужна была помощь, и Константин, подождав немного и поняв, что ей ну никак не справиться одной, отстегнул одну ногу на всякий случай, поставил ее на доску рядом с креплением и, хватаясь за ветви деревьев, начал подтягиваться назад в сторону девушки. Плоский сноуборд скользил по поверхности снега, держал его вес и не давал провалиться в снег, но он чувствовал, что от небольшого уклона в горку начинает уставать.

Через некоторое время он, наконец, добрался. Пот уже градом лился у него по спине и вискам, он тяжело дышал, и ему, несмотря на холодрыгу вокруг, стало так жарко, что Констан-

тин, не задумываясь, стянул шлем и перчатки, натянул на голову капюшон куртки, рухнул на снег рядом с ногами Габи и на несколько секунд прикрыл глаза, чтобы отдышаться.

Когда он их открыл, прямо над ним, и как будто бы с некоторым удивлением, возвышался фисташковый шарик с ярко-синей закрытой зеркальной линзой визора.

Габи, подсмотрев его маневр, попробовала сделать то же самое, что проделал он, она ухватилась за еловую ветку, подтянулась на руках — и у нее неожиданно получилось приподняться, привалившись спиной к стволу ели. И теперь, уже сидя, а не лежа в снегу и имея за спиной опору, она, не снимая на холоде перчатку, наклонилась, пошарила рукой в сугробе и сначала вызволила ногу из одного крепления, а потом и из второго, выудив доску на поверхность. Ладонь все равно тут же задубела, но, снова подтянувшись на ветке, и обрушив на себя огромный сугроб с самой макушки елки, она кое-как смогла самостоятельно практически вытянуть себя из снега, поднявшись на ноги.

Константин, уже тоже весь запорошенный от посыпавшегося снега с ветвей ели, зачем-то протянул ей руку, ни на что особо не надеясь, но, неожиданно, Габи вдруг ловко обхватила ее своей свободной рукой и, повторив свой фокус, и, пользуясь эффектом рычага, держась за елку, с необыкновенной силой дернула его на себя. Он оттолкнулся ей в помощь свободной ногой от борда и тут же вынырнул из снега почти вертикально. И настолько этого не ожидал, что, негромко охнув, даже не успел сообразить, как им это удалось. Надо же, какая слаженная работа у них получилась! И с ней вообще-то не страшно застрять, он не ошибся в ней, вон, как ловко она справилась, восхитился он про себя. И теперь они оба уже стояли друг напротив друга, обхватив ствол ели, и дышали прерывисто.

Пухлый сугроб практически сгладил их разницу в росте, Константин из-за собственного веса просел в пушистый снег чуть ниже, и сейчас его глаза оказались почти на уровне шлема Габи. Он как-то странно и пристально смотрел в ее закрытый визор, как будто хотел заглянуть внутрь. И тут же она неожиданно подняла руку и щелкнула забралом, сдвинув маску вверх.

В тени елей ее глаза, обычно прозрачные и светлые, вдруг резко потемнели, зрачки расширились до упора. И сейчас на матовом бледном лице растекались две огромные зеленые лужи, на дне которых плясали черти. И смотрели на Константина очень внимательно.

Тот тоже смотрел, немного исподлобья, и его отчего-то вдруг так завело, что перехватило дыхание, и он чуть было не отключился. Вокруг него наступила странная, неестественная тишина, все звуки мира вдруг резко встали на паузу, как будто он надел шумоподавляющие наушники и забыл включить музыку. И его сердце замерло, как если бы кто-то вдруг повернул ключ и выключил двигатель, и он уже не мог сдвинуться никуда ни на сантиметр, он практически не мог дышать.

— Эээй, ты чего это завис? — удивленный голос Габи донесся до него откуда-то издалека, и, когда она слегка подтолкнула его в плечо, в ответ ей было ноль реакции.

Тогда она сняла перчатку и тыльной стороной ладони мазнула его по щеке. То же самое: Константин не шевелился и тупо, не мигая, продолжал смотреть ей в глаза. Как будто бы он ждал, что же она еще может предпринять эдакого, проверял ее.

Габи немного запнулась, а потом вдруг еще выше подтянулась на еловой ветке, приблизила свое лицо к нему, хитро улыбнулась, ее зубы сверкнули рядом с ним, а брови взлетели еще выше. И вдруг она легонько коснулась своими губами его щеки, задев уголок его губ. Эдакий легкий, приятельский чмок, пробуждающий его из сна. И это ее нежное прикосновение, и леденцовая зелень глаз, и лимонный аромат (теперь он уже точно был уверен, что это лимоны, спрятанные где-то вокруг них в снегу!) внезапно отпустили сжавшуюся внутри него какую-то тугую пружину и снова перезапустили генератор его сердца. И тут же к нему вернулась возможность двигаться и нормально дышать, и мир вокруг него проснулся, ожил и снова зашумел.

— Ты в порядке? Нам надо ехать вниз, мы можем не успеть к закрытию подъемника.

Габи очень волновал вопрос подъема обратно. Они спускались через чашу, уехав вглубь елок, в другую от поселка сторону, и уже сильно опаздывали, рисковали не успеть.

— Да все хорошо. Поехали.

«И чего она так переживает? — недоумевал, все еще не до конца пришедший в себя, Константин. — Есть же много других способов добраться обратно в деревеньку».

И они вдвоем, кое-как, практически растеряв последние силы и подбадривая друг друга, наконец смогли выехать из ельника, а затем снова въехали в пухляк на роскошном пологом склоне. И тут у них уже дело пошло значительно быстрее. Минут через десять, раскрасневшиеся и тяжело дышащие, они наконец вырулили на трассу и скатились к подножью горы, к подъемнику, до закрытия которого не успели буквально несколько минут. Сам подъемник еще работал, но турникеты к креселкам были закрыты, и траволатор был уже на стопе.

— Просто «великолепно», — Габи поджала губы, насупилась, и тут же негромко выругалась и начала рассылать проклятья в адрес всех подряд.

Господи, Константин чуть не умер от смеха: это было так неожиданно и очень смешно.

— Ну что ты смеешься? И как мы теперь выберемся отсюда? Мы же на другой стороне склона. Пойдем пешком в обход или поедем на такси? Идти будем минут сорок, ждать такси столько же, сейчас отсюда все уезжают. И все из-за меня: если бы я не грохнулась в лесу, мы бы успели, — сетовала она, качая головой и злясь на себя.

Константин снова засмеялся и ласково погладил ее по спине, согревая и прижимая к себе, и ловя себя на мысли, как же ему сейчас хорошо. Он совсем не хотел ее отпускать.

— Ну, упала и упала, тоже опыт, думаешь я никогда не падал что ли? Что ты хнычешь из-за такой ерунды? Это на тебя вообще не похоже. А смеюсь я, потому что мне лично понравилось, как мы застряли, и как ты меня вытянула, и как мы выбирались. Неплохой сюжет получился. И я тебя сейчас очень удивлю. Мы не пойдем пешком, еще чего не хватало, — но и на такси тоже не поедем, — и Константин огляделся вокруг.

Он отдал в руки пока что еще ничего не понимающей Габи свой сноуборд («подержи пожалуйста»), отошел в сторону, подошел к какому-то дядьке в черном комбинезоне, черной шапке и черной маске с ярко-оранжевой линзой. Рядом с дядькой стоял такой же черно-оранжевый снегоход. Константин что-то быстро ему сказал, пожал руку, и уже вдвоем они вернулись к Габи. Та смотрела на них вопросительно и с некоторым недоверием. Дядька кивнул ей в знак приветствия, взял из ее рук сначала один сноуборд, потом подхватил и второй, Константина, соединил их подошвами и ловко вставил в специальный отсек на снегоходе.

— Мы чтоооо, поедем на этом? Он нас повезеет? — удивлению Габи не было предела.

— Ага. Ты каталась уже на снегоходе?

— Нет, ни разу. Мы хотели прокатиться на снегоходе на экскурсию к кресту, но все как-то недосуг было, не получалось. То погода плохая, то еще что-то.

— Ну вот видишь, как все здорово оборачивается в итоге. Неожиданно настал этот момент. Он может отвезти нас в гору вместо подъемника, и оттуда мы скатимся на другую сторону вниз. Или просто развезет нас по отелям — это будет быстрее. Выбирай вариант.

Константин оставил ей право выбора, но он уже был практически уверен в том, какой он будет. И действительно, не ошибся.

— Тогда пусть поднимет нас на гору. Мало мы сегодня накатались, да? Предлагаю еще один спуск напоследок. Завершающий.

Она хмыкнула, но Константин почувствовал перемену в ее настроении: она снова заулыбалась, и ей не терпелось уже сесть на снегоход и попасть в такую непогоду на вершину горы. Ну что за невероятная женщина — просто золотце какое-то. Он кивнул, соглашаясь в ответ, и показал дядьке рукой вверх.

Забавно, но мне нравится ее удивлять, думал Константин, садясь позади Габи на снегоход, крепко обнимая ее и прижимаясь к ней всем телом, таким образом согревая и ее, и себя. И

нравится, когда она радуется, так естественно и мило, без кривляний и капризов. И ничего из себя не строит. Она действительно расстроилась из-за того, что они не успели на подъемник, а теперь действительно обрадовалась тому, чем в итоге обернулась им эта небольшая неприятность.

Последний спуск стал финальным аккордом их сегодняшнего дня на горе. Напоследок, они решили рискнуть и спуститься по почти вертикальному, жутко бугристому «Лбу», чтобы не делать крюк и не ехать в длинный объезд по склонам, не терять время. Уже начинало темнеть, и еще сильнее похолодало. На горе они остались только вдвоем, и лютый ветер, сейчас уже совершенно не стесняясь, сносил их со склона. Константин спустился чуть быстрее и, уже отстегнув борд, смотрел в сторону вершин, когда в его руки, на удивление, не растеряв всю скорость на выкате, почти рухнула Габи. Он, обнимая, удержал ее, затормозил и не дал им обоим завалиться в сугроб. Хватит с них на сегодня.

Но, несмотря ни на что, Константин был ужасно доволен. Они вдвоем, выдержавшие этот день от начала и до конца, —своеобразные герои, и это ужасно их сближало. Он этого сам не видел, конечно же, но его глаза на бледном лице вдруг засияли какими-то невероятными, серебристыми, мерцающими озерами, удивительным образом преображая его внешность. Зато это видела Габи, с удивлением на него поглядывающая. И думала: что за метаморфоза такая вдруг происходит? Может, она просто вымоталась, и ее фокус размылся от усталости под вечер?

Они медленно шли к отелю, в котором девчонки снимали свои огромные апартаменты. Константин все еще вспоминал произошедшее в елках и, даже с самыми искренними эмоциями удивления и заинтересованности заглядывал Габи в лицо сверху вниз. Но та настолько устала после этих последних спусков, что на него вообще перестала смотреть. Она почти не могла идти, практически повисла у него на руке, волоча ноги в сноубордических ботинках, тут же ставших на ней пудовыми, и тогда Константин, несмотря на ее протесты, счел нужным забрать у нее сноуборд.

И сейчас в голову ему пришла вдруг шальная мысль: а почему бы им не съездить вот так вот покататься в горы вместе еще куда-нибудь, в Европу, например? У них похожий уровень катания, и выносливости, и любви к горам, и вообще, ему почему-то захотелось именно вместе с ней полететь куда-нибудь далеко-далеко, может в Три Долины, Циллерталь арену или Парадиски. А почему нет то? Если ему и, очевидно, ей тоже все это очень нравится? С его безграничными возможностями он может все это абсолютно безболезненно для них организовать. И в этот момент он вдруг подумал о Юре, который предложил и организовал всю эту поездку, и о плохой погоде, которая в первый же день задержала его здесь. И если бы не все это, то Константин бы, может, и не встретил никогда такую, как Габи. И тут же ладони у него почему-то заledenели, и его прошиб страшный озноб. Ничего себе!

Но та, о ком он сейчас думал, не подозревала обо всем этом, тем не менее считала, что нести чужую доску, это практически то же самое, когда мужчина, идя рядом с женщиной, несет ее дамскую сумочку. И в понимании Габи это был ужасный кринж: она всегда отворачивалась, когда видела такую картину на улице. Ну что ж, пусть будет кринж, но борд ей Константин так и не отдал до самого отеля, спорить с ним было бесполезно.

А у нее, тем временем, начинался самый настоящий мандраж — отходняк от холода, катания и страшной усталости, даже колени тряслись после этого «Лба». И чтобы его хоть как-то немного сгладить, Константин снова так крепко обнял ее у входа в отель, даже практически сжал в своих объятьях, что Габи немного растерялась, и чуть не села на подкосившихся ногах в сугроб. Ей это что-то напомнило, и это было очень неожиданно.

— Нам всем пора отогреваться горячим душем и чаем. Спасибо, было здорово, и за снегоход тебе отдельная благодарность, мне очень понравилось, — Габи улыбнулась и ласково похлопала Константина по спине.

— Мы можем как-нибудь снова покататься, я буду только рад.

— Посмотрим, может быть, и получится. Ну пока, на связи.

Вот так просто у нее все было. Она дотянулась, неловко клюнула его в щеку и, пошатываясь, с бордом наперевес, скрылась в дверях.

Немного позже, стоя в своей огромной белоснежной ванной после горячего душа и размазывая полотенцем пар на запотевшем стекле, Константин все время касался пальцами краешка губ — там, где Габи до него дотронулась своими губами. Ему почему-то казалось, что там ожог.

Они, с проспавшимся, и совершенно пришедшим в себя Юрой, решили позвонить ей перед ужином, спросить, какие у них с испанцами планы на вечер. Ну а что такого, они же уже проводили вечера вместе, почему бы и нет? Габи буднично ответила, что они собираются ужинать и сейчас как раз обсуждают, как закончить сегодняшний день, она им перезвонит. И через десять минут в ответ записала Юре голосовое сообщение:

«Мы собираемся сходить потанцевать в местный клуб на квартирник, но буквально на часик, ну, может, чуть дольше; в общем, как пойдет. Миле и нашим испанским друзьям очень хочется посмотреть на здешнюю ночную жизнь. Так что давайте, парни, мои братья-славяне, присоединяйтесь, а то я в нашей компании в меньшинстве!» Засмеялась и завершила запись, ну очень в ее духе. И Константин был почти уверен, что она еще и подмигнула вдогонку.

И тут же скинула точку геолокации и время, и жизнеутверждающий смайлик напоследок.

Парни сразу прониклись темой. Ну а что, можно же сходить на разведку, уж точно веселее, чем сидеть в баре, или в номере. Ну а кто Константин такой, чтобы за всех отказываться? Конечно же, они пойдут, тоже ненадолго.

Он искренне недоумевал, что с ним происходит. Еще сорок восемь часов назад он умирал от скуки, горстями пил таблетки и не мог без отвращения смотреть на себя в зеркало, а сейчас он тщательно выбрит, надушен и собирается на танцпол. Все доктора, выписывающие бесконечные рецепты и дорогущие медикаменты — шарлатаны и аферисты. И Константин вдруг на своем пятом десятке начал смутно догадываться, что во вселенной есть какое-то совсем другое лекарство, какая-то волшебная таблетка, исцеляющая от любой хвори, которую надо только тщательно поискать. И попытаться во что бы то ни стало найти.

Поздно вечером весь их гусарский квартет, прихорошившийся и разодетый, наконец был готов и шел по проселочной дороге в местечковый клуб на другой стороне поселка. Ну, ей-богу, просто павлины! Они шли, ржали и толкались, как мальчишки, одинаково стройные и модные, и только высоченный Константин выбивался между ними по росту.

Музыка гремела за квартал. У входа, почти на лестнице на второй этаж, толпился народ и курил сигареты, под периодические, но не дающие никакого результата крики охранника отойти подальше. А когда они вошли внутрь и поднялись наверх, басы тут же почти сбили их с ног.

Юра сразу же скинул свою куртку — супертеплую, абсолютно в духе Сибири Canada Goose, такую же, как и у Константина, только красную, — на вешалку и, распахивая всех локтями, направился к бару за куба-либре для себя и парней и водой для Константина: тот пить алкоголь сразу же отказался, все-таки не нужно слишком переоценивать свои силы.

Константин огляделся по сторонам и сразу же увидел Миле. Она была выше всех в клубе на полторы головы, белобрысая макушка в бликах цветомузыки сияла как маяк. Он тоже стянул с себя куртку, кое-как повесил ее на первый попавшийся крючок около двери и начал пробираться сквозь толпу в ее сторону, продолжая озираться.

На сцене выступал паренек с гитарой, пел кавер—версии популярных песен, симпатичный и харизматичный, и выглядел весьма достойно. Сейчас из-под струн его электрогитары звучала «А не спеть ли мне песню о любви?» группы «Чиж & Со». Сзади с наименьшей громкостью лабали бас-гитарист, барабанщик и клавишник.

Константин продолжал с удивлением разглядывать все вокруг. Вся стена клуба за его спиной от пола до потолка была заставлена необычными пивными бутылками, опутанными гирляндой. Необычный дизайн.

Габи он пока не увидел, но она вряд ли где-то далеко.

На Миле был шикарный светло-голубой костюм: пиджак из легкого материала в стиле японского кимоно и такие же тонкие брюки, которые обтягивали мощные, натренированные ноги. Нельзя не признать, если отбросить все нюансы, выглядело это очень сексуально. У нее был потрясающий и очень необычный вкус, но Константин подозревал, что одежду ей все-таки шьют на заказ, уж слишком нестандартные параметры. Он наконец добрался до нее через танцующую и колышущуюся толпу, но Габи все равно нигде рядом не было.

Миле увидела его, обрадовалась, обхватила его руками, обняла и что-то заговорила ему прямо в ухо, но он никак не мог разобрать ни слова. Теперь они оба возвышались над танцполом, как две башни-близнецы, вечные соперницы — Гаризенда и Азинелли в итальянской Болонье, которые, практически падая, нависают над самым центром этого прекрасного старинного городка. Люди вокруг были им по плечи, так странно, хотя он уже давно отметил здешнюю характерную особенность региона — невысокий рост.

И вдруг Миле взяла его за руку и, как будто бы в танце, ловко развернула в обратную сторону. Он послушно повернулся за ней, как партнер за партнершей, и в этот момент вдруг увидел приближающуюся к ним в ритме танца с двумя бутылками воды Габи. О мой Бох.

На ней тоже был костюм: ярко-зеленые в безумных сине-розовых цветах жаккардовые брюки и такая же зеленая жилетка с огромными блестящими пуговицами, которые сверкали и бликовали в безумных цветных софитах клуба, как разноцветные огоньки на елке. На шее у нее было кольцо — как будто бы настоящий разноцветный попугай сидел в траве и запутался в пластиковых листьях; странно, что он не издавал никаких звуков, потому что выглядел, как живой. МатьерБожияМарияиСынееИисусХристос! Константин, будучи всю жизнь убежденным атеистом, совершенно неожиданно, в сердцах, вдруг вспомнил всех главных христианских святых.

Что это вообще такое? Это же явно какой-то запрещенный прием — так выглядеть! Что за креативный безумец создал это великолепие? Но, немного присмотревшись, он вдруг понял, что аристократичная, холодная внешность Габи неожиданно уравнивала этот шедевральный, да что уж врать-то, практически на грани клоунский наряд. Между странным, аляпистым костюмом и девушкой была самая настоящая гармония, просто это был какой-то очень своеобразный и необычный стиль.

В этот момент парень с гитарой на сцене объявил перерыв, и, подхватив зал, как эстафетную палочку, в дело вступил диджей, который вдруг тоже как будто бы тоже слегка сошел с ума, и совершенно неожиданно переключил музыку на максимум звука, запустив *Alors an danse* — очень популярный трек многолетней давности от бельгийца Stromae². Вот это да!

— Хорошо, что вы пришли! Это я попросила поставить, согласись, шикарная песня!

Проорала Габи ему в ухо, обнимая его за торс, иначе ее было бы не услышать в этом адском балагане из все нарастающего шума, и громко добавила:

— Обожаю его, тебе не кажется, что у них с Миле общий типаж?

Да, действительно, Константин не мог не признать, что двухметровая оливково-смуглая креолка Миле и наполовину бельгиец, наполовину африканец Поль Ван Авер определенно были чем-то похожи. И Миле, она, видимо, обожает в том числе и за эту, за ее такую небанальную и маскулинную латиноамериканскую внешность, — тут у нее нет конкурентов, как ни крути. Ну если вот только Stromae.

И тут же под эту песню зал грохнул в крике и уже дальше, по нарастающей, утонул в танце. Константин так сильно обалдел от всего этого зрелища, что совсем растерялся и не успевал

² Поль Ван Авер — бельгийский певец и автор песен, более известный под псевдонимом Stromae.

моргать. Как же он отстал. Юра и Даня, уже где-то потерявшие в толпе Артема и подошедшие с коктейлями для себя и водой для Константина, смотрели на танцующих во все глаза; потом уже и они не могли удержаться и, за пару секунд проглотив половину своих стаканов, поставили напитки на стойку и, всучив Константину бутылку воды, тоже ринулись танцевать. Вчетвером у них с Габи и Миле получилось даже лучше, чем у девушек вдвоем. Миле двигалась восхитительно, латинский ритм танцев был у нее в крови; она положила руки Габи себе на плечи и начала раскачивать ее, а та улыбалась ей так, как не улыбалась больше никому другому, и подпевала во весь голос, и обнимала Миле за шею. Она что, знает французский? На руке у Габи была намотана клетчатая косынка, она размотала ее и, как будто прячась от всех вокруг, набросила ткань им обоим на головы, скрывая их от посторонних глаз.

На это Константин уже смотреть ну никак не желал и не хотел, а от безумного бита, от шума и этого такого личного, чуть ли не приватного танца этих двух у него вдруг ужасно запульсировала и разболелась голова, да так сильно, что стало нечем дышать. Он развернулся с танцпола, задохнулся в толпе, схватил с вешалки свою куртку и шарф, даже оттолкнул пару человек на лестнице на своем пути к выходу и выскочил на улицу.

От разницы температур, жары и духоты внутри и мороза снаружи в висках застучало еще сильнее, казалось, что голова сейчас просто оторвется — ему срочно нужен был хоть какой-нибудь обезбол. Он посмотрел по сторонам: снег искрился под ногами в свете фонарей, выюга ласково трогала верхушки и сдувала шапки с огромных сугробов, этих спящих великанов вокруг.

И действительно, звездное небо нависало над ним, как купол в обсерватории, но не падало вниз. Неожиданно задышалось легче, свободнее, и, с каждым шагом отходя от клуба чуть дальше, басы музыки становились все тише. Больше он в этот вертеп ни ногой, пусть веселятся без него, он уже слишком стар стал для таких тусовок, и совсем им не конкурент. Все-таки всему свое время. И, глядя на черное небо, вместо того чтобы сразу пойти в отель, он вдруг немного успокоился и решил заглянуть в круглосуточную аптеку на другом конце поселка. Заодно пройтись и проветриться: спать ему совсем не хотелось. Юре он написал в чат, чтобы тот его не искал. С него на сегодня хватит: он натанцевался, устал и ушел в отель.

Аптеку он искал долго. Навигатор на айфоне никак не мог побороть витиеватость и холмистость улиц поселка, утопающего в сугробах, высотой с двухэтажный дом. Но, наконец, удача улыбнулась ему, и он, случайно свернув в маленький переулочек, прямо перед своим носом вдруг увидел небольшой неоновый салатовый крест.

Мило поболтав с приятной провизоршей, запив таблетку любезно предложенным ей стаканчиком воды и выйдя из аптеки с мешком лекарств (он никогда не умел покупать мало), Константин немного постоял на крыльце, вдыхая полной грудью свежий морозный воздух, который как будто бы разрезал острым лезвием его легкие.

А все-таки здесь неплохо, горнолыжные курорты имеют свой определенный, ни с чем не сравнимый вайб. И здесь, в самом сердце этого необычного морозного региона — Горной Шории, Юра был абсолютно прав, была какая-то, абсолютно ни с чем не сравнимая, деревенская, но в то же время, по-настоящему курортная атмосфера, уж Константин, обкатавший огромное количество горнолыжных трасс мира, знал, с чем сравнивать.

Завтра прогноз неожиданно обещал очередной бесснежный, правда очень холодный день, ну что ж, в целом, неплохо, нужно будет просто одеться потеплее. Он посмотрел на небо, и, как в детстве, поискал глазами большую Медведицу, этот огромный ковш, наверное, первое узнаваемое созвездие у всех детей. А когда нашел, переключился на второе известное ему — созвездие большого Пса; тут было посложнее, но и это ему удалось.

Константин внезапно повеселел от своей удачи, даже голова почти прошла, подмигнул Медведице и Псу каждым глазом поочередно, скатился с крыльца, перепрыгнув, как мальчишка, через несколько ступенек, нырнул за угол и вдруг лоб в лоб столкнулся с Габи.

Да что за ерунда-то такая! От неожиданности он даже чуть не заскулил, как от внезапной зубной боли. Она что, его преследует, что ли? И тут же осознал, что, конечно же, это не так. Ведь она, так же, как и все остальные, понятия не имела, что он здесь, на другом конце поселка. Какое же у него, однако, самомнение! Только, тогда что она тут делает?

Габи же, абсолютно не подозревающая о его хмурых мыслях, красивая и румяная, у которой, конечно же, не болела голова, и которая вообще о нем, о Константине, похоже, совсем не думала, в своей безумной, роскошной норковой шубе и розовой шапке набекрень выглядела, как веселый снеговик.

И глядя на нее, такую улыбчивую, такую розовощекую в тон своей шапке и пышущую здоровьем, как спелый, сочный персик, ему вдруг захотелось как-то ее подколоть, съязвить, чтобы хоть немножко, хоть чуточку испортить ей настроение. Зачем, он тогда и сам не знал, и только потом, вспоминая этот вечер, понял почему. Потому что дурачок, вот почему.

— Опа, а мы тебя искали, не знали, что ты ушел. Хорошо, что Юра в конце концов догадался заглянуть в телефон и увидел от тебя сообщение. Ты чего здесь делаешь? — Габи смотрела на него своими леденцовыми глазами, и улыбалась милыми ямочками на щеках.

— Конечно, старый дворовый пес ушел спать в свою конуру, чтобы не мешать веселиться породистым щенкам, — брякнул он вместо ответа на ее вопрос.

Его сарказм не достиг цели, Габи ничего на это не сказала, дерзить в ответ не стала и лишь повела головой. Ее глаза сузились в щелочки и внимательно наблюдали за ним из-под ресниц, как бы оценивая ситуацию, а ямочки на щеках немного разгладились.

Господи, да что он несет? И Константину даже стало как-то неловко за себя.

Все оказалось, естественно, совсем не так, как он предполагал, и она, конечно же, даже и не думала за ним следить. Да и понятно это было в общем-то сразу. Просто у Миле неожиданно тоже разболелась голова, она очень устала и ушла в отель спать, в клубе ей, в отличие от Габи, не очень понравилось, русских песен она не знает, к бару не подойти, эта часть отдыха теперь для них была скорее всего закрыта (ну и слава Богу, подумал про себя Константин), хотя Габи в голос подпевала известным песням, и она с удовольствием бы еще попела и потанцевала подольше. Но, видимо, не судьба, так что придется оставить это до Москвы. Но на то она и Габи, что, проводив Миле до дома, решила тоже дойти до аптеки, купить той лекарство, чтобы таблетки были под рукой на всякий случай. Они с собой не взяли ничего от головной боли — забыли. А потом ей, так же, как и Константину, просто захотелось хоть немного проветриться, пройтись тихонько по поселку. У нее тоже до сих пор звенело в ушах от клубного шума.

Константин, выслушав все это, весело помахал пакетом с названием аптеки перед ее лицом. И брови Габи тут же неожиданно взлетели к вискам, и она снова весело засмеялась в ответ, поправляя съезжающую шапку, увидев масштаб покупки. Опять этот нежный, искристый смех.

И Константин выдохнул с облегчением, он почувствовал, что она совсем не обиделась и уже давно забыла его глупые слова, которые ничуть ее не задели, вот и хорошо. Легкий характер — это огромный бонус по жизни не только для его обладателя, но и для всех окружающих, особенно для людей сложносочиненных, которые часто сильно зависят от своего настроения. И этот бонус ловко, без ключа, открывает двери в их сердца.

— Спасибо, то, что доктор прописал, — этого достаточно, — Габи аккуратно выудила один блистер из упаковки.

Они неторопливо шли от аптеки к отелю по страшно кривым и скользким улочкам поселка, и то тут, то там Константину приходилось постоянно поддерживать девушку, когда та поскользывалась, чтобы не упасть. В конце концов, Габи это все надоело, и она просто взяла его под руку. И сразу им вдвоем идти стало намного легче и даже быстрее, и Константину вдруг совершенно не захотелось сейчас с ней расставаться. Они впервые оказались один на один вдвоем не на горе, не на склоне и не в шлемах и масках. Но он никак не мог придумать

причину, чтобы потянуть время и задержать Габи рядом с собой. Вместо этого он раздумывал: почему так?

Наверное, потому, что он очень рано женился и прожил с одной любимой им женщиной много лет, на других, мимолетных, у него просто совсем не оставалось времени. В свои лучшие, молодые и здоровые годы он практически жил на работе, да и в принципе он был однолюбом. А после гибели жены — такой внезапной, и к которой он совершенно оказался не готов, — он сначала сильно горевал, а потом сам заболел, видимо, от всех этих переживаний, долго лечился, и ему было вообще не до чувств.

Конечно, в последнее время, после выздоровления, рядом с ним периодически появлялись какие-то женщины, но он чувствовал, что все это, скорее, их инициатива, а не его, и никто его серьезно не цеплял. Юра, правда, считал, что, наконец-то, Константин приходит в себя и все делает правильно: красивые женщины рядом нужны для удовольствия, чтобы провести полезный для здоровья или просто приятный досуг, и чем их больше, тем лучше. Юра был тот еще донжуан, конечно.

Но вот сейчас, в месте, в котором Константин еще пару недель назад вообще не думал оказаться, да о котором он вообще даже ничего толком не знал, он вдруг почувствовал, что оказывается в ситуации, когда ему, впервые за долгое время, неожиданно захотелось все взять в свои руки. И неужели это все из-за этой смешливой и светлокожей москвички с блестящими зелеными глазами? Да ну, не может быть! Что это за волшебство такое последние два дня? Он же вообще ничего подобного не планировал, тем более здесь.

Он то, может быть, и не планировал, но кто бы его вдруг стал спрашивать-то? Там, наверху, на границе мироздания такие вопросы не задают, потому что ответы на них никому не нужны.

Они наконец дошли до отеля, остановились у входа — дальше тянуть совсем не получалось, и пора было прощаться. И Константин вдруг, как будто в замедленной съемке с коптера, увидел их силуэты откуда-то сверху: себя, долговязого, угловатого, с серебристыми волосами, руки в карманах куртки, — и, напротив него, невероятно прекрасную девушку. И где-то глубоко-глубоко внутри него, в недрах его личной, внутренней вселенной, сначала тихонько и изда-лека, а потом все динамичнее и мощнее, заиграла крещендо музыка. И вместе с этой музыкой в него вдруг влились уверенность, решимость, задор и даже своеобразное мальчишеское озор-ство, и он подумал, да будь что будет, он же вообще ничего плохого и, уж тем более, недостой-ного и предосудительного не делает. И тут же предложил:

— А может, пойдем выпьем по стаканчику, посидим, поболтаем немного, закончим этот вечер на такой спокойной ноте, так сказать, что-то спать совсем не хочется?

Константин постарался сказать все это максимально ровным голосом, но его сердце, как сломанный метроном, в этот момент тут же отстучало свой ритм на несколько тактов быстрее. Но испугаться, что Габи услышит этот неритмичный стук, он не успел. Она неожиданно и даже, как ему показалось, с каким-то радостным удивлением кивнула и посмотрела на него так одобрительно, как будто только и ждала всю дорогу этого приглашения. И он тут же понял, что правильно сделал, что не промолчал.

— Да, давай, я с радостью, мне тоже совсем не хочется спать, несмотря на усталость на горе. И на улице так хорошо пройтись. Да и от бокала вина я бы не отказалась, сто лет не пила вино. Хочется какого-нибудь терпкого и насыщенного вкуса. Я только сначала отнесу таблетки и проверю, как там Миле со своей мигренью, хорошо? Ты подождешь? Я ненадолго, — и она показала взглядом на дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.